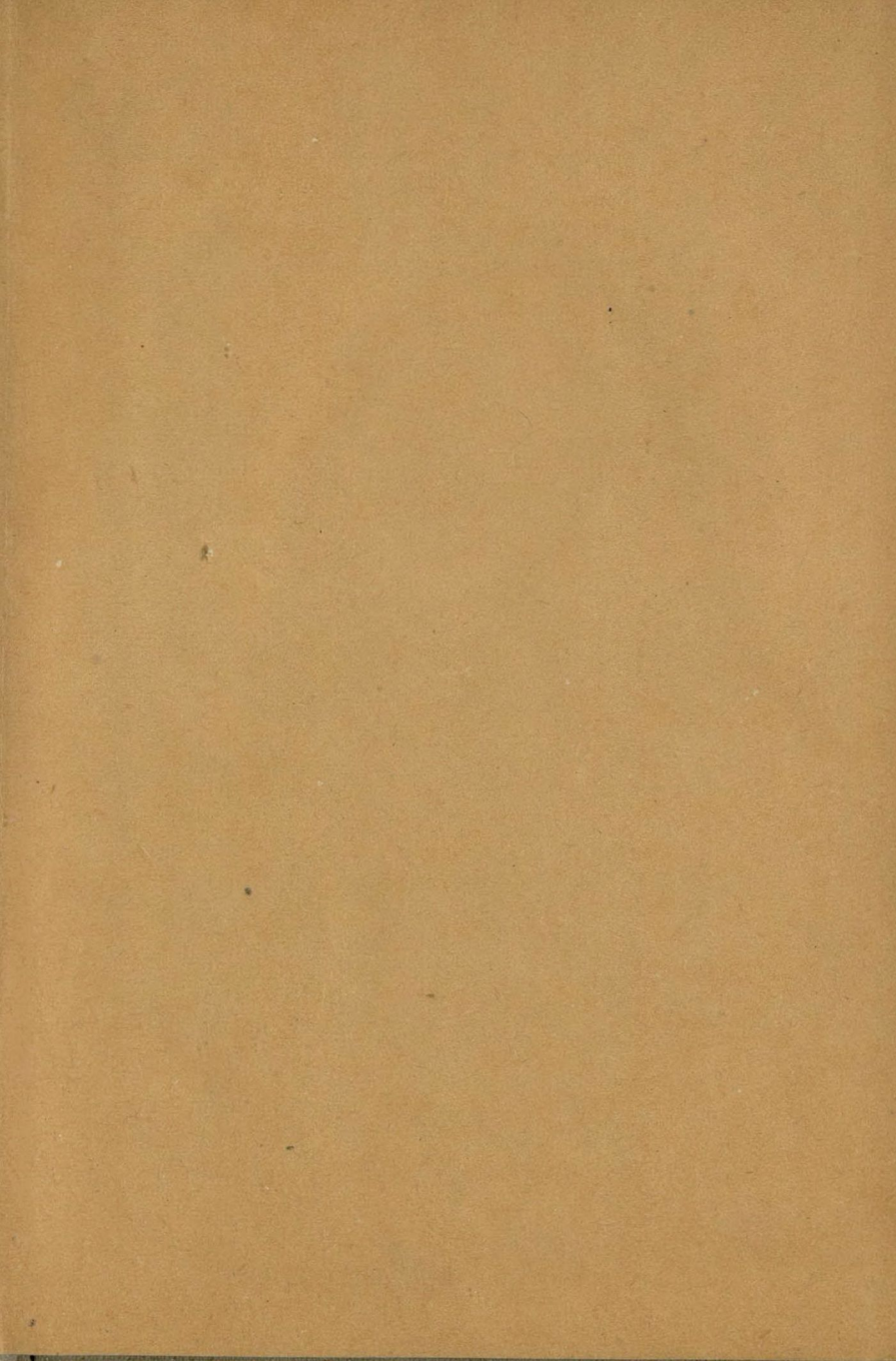

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

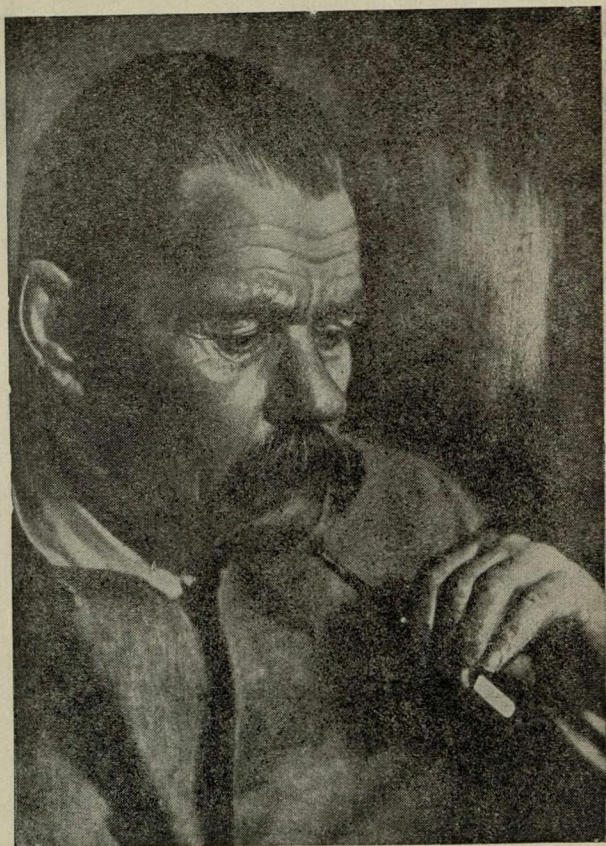

**МАКСИМ
ГОРЬКИЙ**

ДЕГИЗДАТ ЦКВАКСМ 1936

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. Горький

А. РОСКИН

P 751

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

~~131445~~

~~1957-58 г.~~

~~266 см.~~

~~34266~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА~~

648431 кх.рег.

Российская государственная
детская библиотека

Глава I

ДЕТСТВО

«Горем дышим, горем одеваемся».

Поговорка.

Дождливый день, пустынный угол кладбища, липкая земля, гроб, две лягушки на крышке гроба — вот и все, что сохранила память Горького об отце.

И если бы не бабушка, может быть, Горький ничего и не знал бы о нем. Простой русский человек исчезал из жизни бесследно, не оставляя ни документов, ни писем, ни изображений своих.

Из рассказов бабушки об отце Алеша узнавал в конце концов лишь одно — что маленьких всегда бьют: Алешу истязал дед Василий Каширин, отца Алешинного истязал дед Савватий Пешков.

Страшный это был человек — солдат Савватий Пешков. Служил он долго и выслужился до офицера, но к под-

чиненным относился так жестоко, что его лишили офицерского чина и сослали в Сибирь.

Вероятно, Савватий Пешков оказался повинен в истине зверских расправах — ведь служил он в такие времена, когда жестокость в обращении с солдатами признавалась неоспоримым достоинством офицера.

Потеряв власть над подчиненными, Савватий Пешков все звериное, что в нем было, обратил на сына — Максима.

Много раз пытался Максим убежать из дому. Солдат гонялся за ним с собаками и, поймав, бил едва не на смерть.

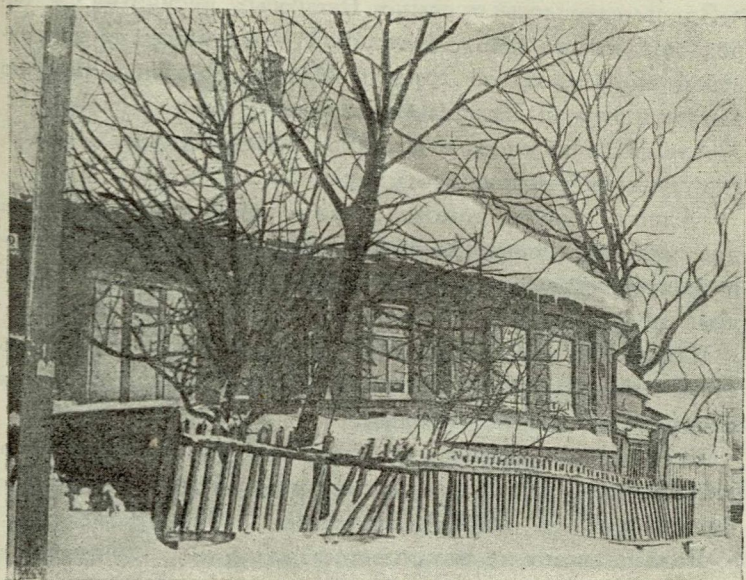
Когда Савватий Пешков умер, Максим бросил родину и, пройдя пешком сибирские места, очутился на Волге, в Нижнем. Он поступил учеником в столярную мастерскую и научился ремеслу краснодеревщика, драпировщика и обойщика.

Столярная мастерская находилась рядом с красильным заведением Каширина. Дочь красильщика, Варя, стала женой Пешкова.

Максим Савватьевич перебрался к Кашириным, и здесь, в мещанском домике на одной из скучных и печальных нижегородских улиц, родился в 1868 году у Пешковых сын Алеша.

Лишь несколько страниц посвятил Горький в «Детстве» отцу. Но перечитываешь эти страницы и все сильнее чувствуешь, что хорошим человеком был Максим Савватьевич, и начинаешь понимать, почему Горький избрал своим псевдонимом имя отца. Максима Савватьевича в молодости травили, точно зайца, и истязали, словно солдата в арестантской роте, и все же он вступил в жизнь беззлобным и веселым.

А у Кашириных люди своей жестокостью напоминали Савватия Пешкова. Здесь ненавидели друг друга никогда не угасавшей звериной ненавистью.

Нижний-Новгород. Дом В. В. Каширина, деда М. Горького.

— У Кашириных дерутся! — кричали уличные мальчишки, и крик этот раздавался чуть ли не каждый день.

Драки были шумные, о каждой из них знали соседи. Но когда били насмерть, били тихо, по-воровски. Так у Кашириных убили трех женщин: сыновья хозяина дома, красильщика Василия Васильича, неприметно для других расправлялись со своими женами.

Чужим в доме чувствовал себя Максим Савватьевич, и за это его возненавидели. Однажды зимой братья Каширины бросили его в прорубь. Максим Савватьевич едва спасся.

Он никому не пожаловался, а только оставил каширинский дом.

Пешковы уехали по Волге вниз, в Астрахань, где Максиму Савватьевичу предложили службу.

Здесь случилось в семье Пешковых несчастье. Четырех лет Алеша заболел холерой — она была частой гостьей полуазиатского города. Мальчик остался жив, но заразил отца, и Максим Савватьевич умер.

Алеша попал снова в Нижний, к Кашириным, в семью, где чуть не убили его отца.

Алеша хорошо помнил долгое путешествие по реке, длинный путь парохода — мимо тронутых осенью лесов и желтых обрывов, мимо городов, которые издали казались игрушечными...

Каширины обитали уже на новом месте — в приземистом грязно-розовом доме с нахлобученной крышей и словно выпученными окнами.

Бесконечные попреки, дурацкая ругань, жестокие порки, жадные разговоры о деньгах и унылые призывы к богу — вот чем заполнялась жизнь у Кашириных.

Больше всего не понравился Алеше дед Василий Васильич с его рыжей бородкой, зелеными глазами и руками, которые казались испачканными в крови — краска въелась в них на всю жизнь. Его брань и молитвы, шутки и поучения странным образом сливались в одно — в нечто визгливое и едкое, оседавшее ржавчиной на сердце.

В деде Алеша почувствовал своего главного врага и не ошибся: много жестокого пришлось пережить Алеше у Кашириных, и больше всего страданий причинил ему Василий Васильич.

Страшна была эта жизнь, но еще страшнее было то, что все кругом казалось таким же темным, каширинским.

Алеша смотрел из окна на улицу и видел — направо огромное желтое здание арестантских рот, налево Острожную площадь и серое здание тюрьмы с четырьмя башнями по углам.

А между ротами и тюрьмой, среди непрсыхающей трясины улицы, стояли дома, коричневые, зеленые, бе-

лые, но всюду в них, как у Кашириных, ссорились из-за пригорелого пирога и скисшего молока, так же жили мыслями о горшках, самоварах, блинах, так же развлекались именинами и поминками, сытостью до ушей и выпивкой до свинства.

Это о Нижнем сложилась пословица: «Дома каменные, люди железные».

Железные люди непоколебимо верили, что жизнь, которую они ведут, — самая правильная жизнь, установленная на земле прочно, навсегда.

Точно в глубокой яме, чувствовал себя Алеша Пешков, и рано в его душу запала ненависть к мещанам с их заботами о пятаках и разговорами одинаковыми, как пятаки.

Он старался отгородиться от этих людей, иметь какой-то свой угол, свое заповедное место.

В скучном саду каширинского дома, подальше от чанов с краской и развешенных на веревках тряпок, устроил Алеша маленькую клумбу, насадил сам цветы, и росли они хорошо.

Однажды он пришел поливать их и увидел, что клумба разрыта, цветы изъяты и лежит на них каширинская свинья, которой воротами разбило заднюю ногу.

Так вот и люди врывались в детство Горького и равнодушно вытаптывали все, что было дорого ребенку.

Но были в его детстве радости.

Самой большой радостью была бабушка Акулина Ивановна, которая через много лет стала миллионам читателей «Детства» дорога, как самый близкий человек.

Акулина Ивановна поддержала в Алеше Пешкове простую и удивительную веру в человеческое счастье, не дала каширинскому мраку завладеть душой ребенка.

Она обладала житейской мудростью, и это была не

скушая и почерневшая мудрость старого, много натерпевшегося человека.

Все было в бабушке свое, хорошее, теплое; теплота эта была в каждом ее слове и движении, в том, как нюхала она табак из черной, украшенной серебром табакерки, или как старой спокойной рукой срывала на прогулке знакомые травы.

Бабушка жалела людей, знала лес и любила сказки и свою жалость, любовь и знание передавала внуку словами, похожими на цветы.

Она рассказывала Алеше о Кашириных, о прошлом, о целебных свойствах трав, передавала страшные сказки о Бабе Усте или о печалях матери разбойников. Сказки бабушки были той первой, неписанной книгой, которую полюбил Горький навсегда, на всю жизнь.

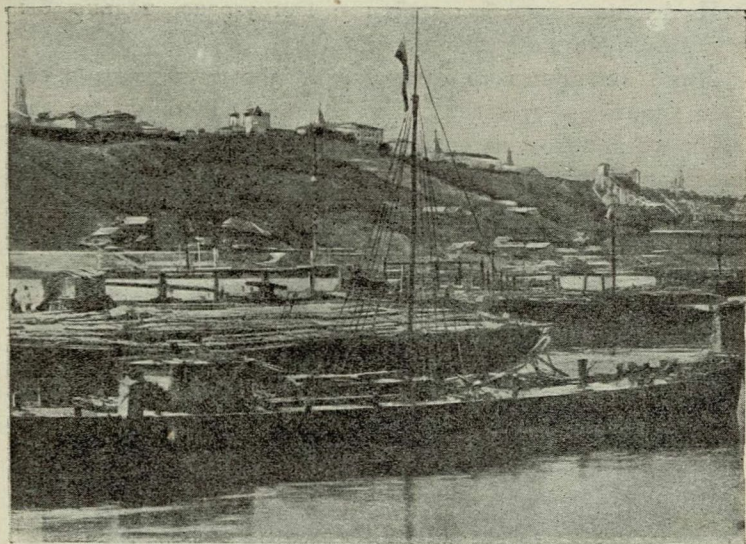
Сказки слышал он и от няньки Евгении. Нянька любила дерзкие сказки о божестве и погах. Бог жил на земле, ходил по деревне, неудачно впутывался в разные дела, и выходило, что он глупенький, а иногда и злой.

И люди в нянькиных сказках были дурные. Судьи торговали правдой, как ситцем или говядиной. Помещики удивляли своей жестокостью, и жестокость была какая-то глупая. Купцы жадничали до того, что один из них за полтину продал свою жену и детей татарам — ему не хватало полтинника до тысячи...

Алеша готов был поверить в сказки няньки. Продажные судьи, жестокие помещики, жадные купцы казались хорошо знакомыми, напоминая Кашириных и тех людей, которые жили в соседних домах.

Но сказки бабушки и няньки внушали уверенность, что все же есть хороший человек на земле.

Однажды этот человек появился совсем близко — в самом каширинском доме. Жилец, поселившийся в комнате рядом с кухней, устроил лабораторию и произво-

Нижний-Новгород. Пристань. Со старой фотографии.

дил какие-то опыты. Станным казалось не то, что этот сутулый и худой человек в очках возился с медными весами, спиртовкой и чертежами, а то, что он не получал за свою возню денег и не искал их.

Был он тихий и очень одинокий; его, конечно, у Казириных терпеть не могли, и дед, в конце концов, попросил жильца съехать.

Жилец исчез со своими весами и чашечками, но Алеся его не забыл.

Он чувствовал теперь твердо, что хороший человек — не выдумка. Его надо искать всюду, где люди отличаются от жителей Полевой или Канатной — улиц горьковского детства.

Искать — значит вырваться из дома, уйти подальше, исчезнуть, как исчез жилец.

И Алеша готов был пойти с кем угодно, только бы двигаться, не жить неподвижно...

Мимо каширинского дома часто проходили люди в серых халатах — арестанты. Их вели на пристань, где сажали на пароход, который увозил их очень далеко. Алеша завидовал им. Лучше итти под конвоем, с кандалами на ногах, но все же итти куда-то...

Однажды по улице шли каторжники. Один из них, с большим красным шрамом на лбу, с изуродованным ухом, был страшен.

Алеша шел за ним по панели. Вдруг каторжник весело крикнул:

— Айда, парнишка, прогуляйся с нами!

Алеша сейчас же подбежал к каторжнику. Конвойный оттолкнул, а то бы Алеша пошел с этим человеком — все равно куда, лишь бы пойти и больше не вернуться.

Но он возвращался, жизнь оставалась неизменной. Менялись только дома, в которых обитали Каширины. Из грязно-розового дома на Успенском съезде дед перебрался на Полевую улицу, в большой дом с кабаком в подвале, а оттуда на Канатную улицу, в покрытый темно-малиновой краской дом с голубыми ставнями.

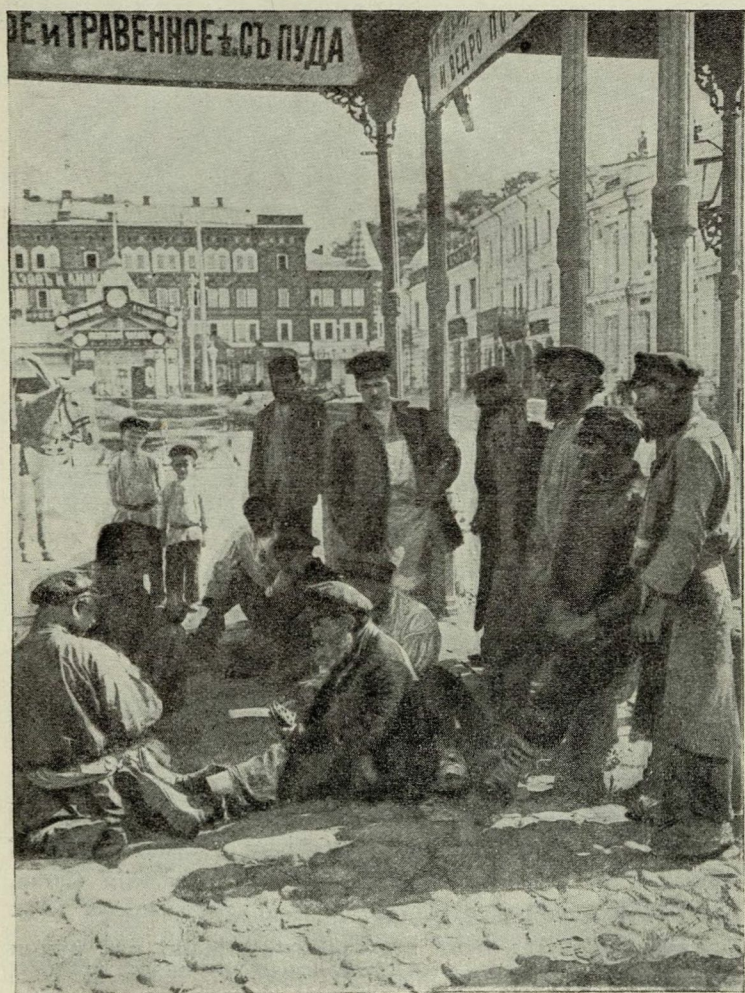
Скука давила Алешу. Иногда он сопротивлялся ей бешеным озорством — лез на крышу и затыкал печные трубы, сыпал соль в котелок со щами, вдувал из бумажной трубки пыль в механизм стенных часов.

Зачем он это делал? Он и сам не знал...

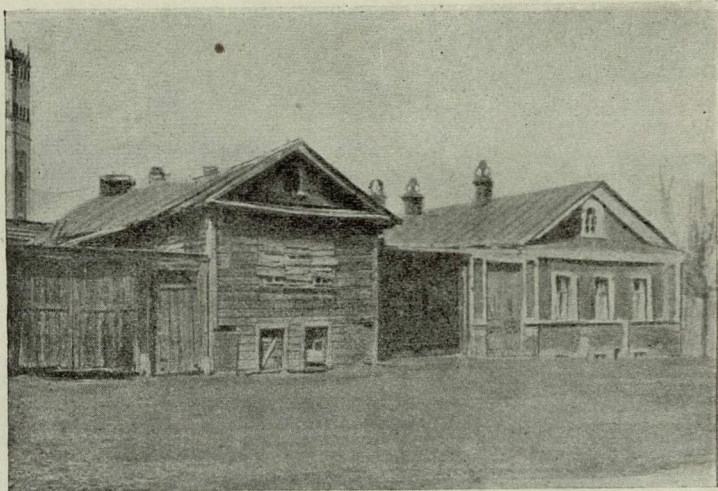
Но иногда жестокости, которые раскрывала перед ним жизнь, вызывали в нем иное — ненависть. Алеше пришлось быть свидетелем того, как отчим избивал его мать ногой в грудь.

Алеша схватил нож и изо всей силы ударил отчима в бок.

Десяти лет Горький пошел в люди. Мать его умерла,

Нижний-Новгород. Бочарная площадь. Со старой фотографии.
(Государственный литературный музей.)

Дом в Нижнем-Новгороде, в котором жил М. Горький у деда.

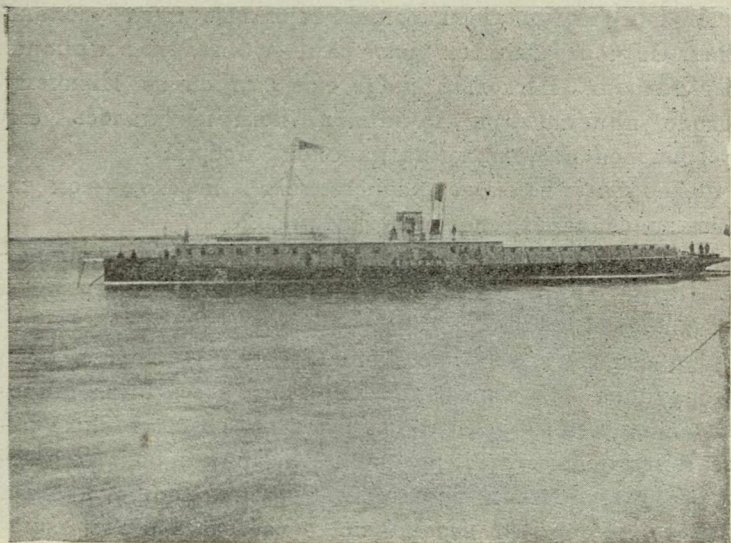
отчим проигрался в карты и лишился службы, дед разорился.

Надо было самому зарабатывать.

Он служил мальчиком в магазине обуви и посудником на пароходе, работал у чертежника и в иконописной мастерской, занимался собиранием старья и ловлей птиц.

В магазине обуви хозяин донимал Горького грязными разговорами о заходивших в магазин покупательницах, приказчик — угрозами, а каширинский мальчик Саша, тоже служивший в магазине, — иголками, которые пристраивал в обувь: чистя ее, Горький каждый раз ранил себе руки.

Стоя за прилавком, Горький смотрел в окно: была зима, шли редкие прохожие, тянулись по сугробам лошади, доносился унылый звон с соседней колокольни, и хотелось только одного — чтобы хозяин с его грязно-водя-

Пароход «Добрый», на котором Горький служил посудником.

нистыми, как будто слепыми, глазами поскорее бы прогнал за какую-нибудь провинность.

Этого не случилось. Но, разогревая судок со щами, Горький опрокинул судок на себя и обварил руки. Горького отправили в больницу; из нее он в магазин обуви уже не вернулся, а попал в ученье к чертежнику, своему дальнему родственнику.

Здесь было еще хуже, чем в магазине обуви. Новый хозяин черчению его не обучал: Горький колот и носил дрова, мыл посуду и полы, чистил самовар и медную посуду, ходил на базар, бегал в лавочку.

Плохо было не это, — работал Горький охотно. Плохо было то, что женщины в доме чертежника — его жена и теща — преследовали его, оскорбляли, избивали — на двойных правах хозяек и родственниц.

В магазине обуви Горький терпеливо ждал увольнения. От чертежника он ушел сам — убежал, как мышонок из подвала. Несколько дней скитался он по Нижнему, около пристаней и грузчиков, пока не удалось ему устроиться посудником на пароход «Добрый».

«Добрым» назывался арестантский пароход — он тянул за собой баржи с арестантами.

Не многим больше свободы было и у Горького. С шести утра до полуночи он мыл посуду, чистил вилки и ножи.

Но все же здесь было лучше, чем у торговца обувью Порхунова или чертежника Сергеева; здесь была широкая и спокойная река, с палубы были видны темные леса и пустынные дуга, редкие незнакомые города, одинокие, затерянные в просторах деревни. Природа была близко, рядом, она напоминала о свободе и о том хорошем лете, которое однажды Горький провел один с бабушкой, надолго уходя с ней из дому в лес, где бабушка научила его собирать грибы, целебные травы и орехи в беличьих дуплах.

Во время этих прогулок Горький полюбил лес, и потому труд посудника на пароходе он потом сменил на труд птицелова.

Он купил сеть, круг, западни и смастерил клетки. В лесных оврагах он выслеживал щеглят с алыми чепчиками, странную птицу щур, скрипящих клестов, злых и умных синиц.

Пойманных птиц бабушка продавала на базаре. Так оба они — Горький и бабушка — одно время кормились около леса.

Кончилось лето, улетели птицы, и приходилось возвращаться в город. Работая у хозяев, он снова терял свободу и часто надолго разлучался с бабушкой.

Но он нашел новую опору.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ.

Н. С. Кунавинское начальное училище, одобряя отличные труды про-
свѣдѣнныя въ наукѣхъ и благочестивое усердіе *Алекса. Пешкова*,
награждаетъ его своимъ похвальнымъ листомъ, въ примѣръ другимъ.

Сдѣланъ 1899 года 17-го Января.

Н. С. Кунавинское начальное училище
Въ помощь и поощреніе
Ученику Алекса. Пешкову

Наше Свинское Кунавинское

Похвальный лист, выданный А. М. Пешкову, ученику III класса Нижегородского свободнаго кунавинскаго начальнаго училища. К словам «Н. С. Кунавинское» Горькій сделалъ примечаніе: «Наше Свинское Кунавинское», а слово «благонравіе» переправилъ на «шалости».

Это были книги.

Путь Горькаго къ книгѣ былъ трудный. Грамоте обучалъ его дедъ — по церковнымъ книгамъ, потомъ мать — по «гражданскимъ», и ученье это было такимъ же жестокимъ, за-полненнымъ попреками, обидами и наказаніями, какъ ученье торговому делу или черченію.

А въ школѣ, гдѣ недолго пробылъ Горькій, ученики дразнили его ветошникомъ и нищебродомъ, учитель съ меднымъ, какъ будто окисшимъ лицомъ почему-то нестерпимо къ нему придирался.

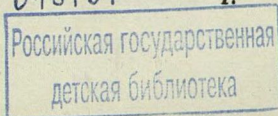
Но когда Горькій, наконецъ, добрался до книги, она вошла въ его жизнь какъ нечто самое большое, важное и радостное.

2 Горькій

678731

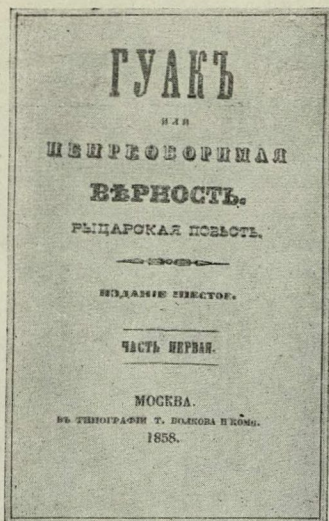
17

265 с.т.

34266

574410

«Гуак или непреборимая верность» — одна из лубочных книг, прочитанных Горьким в детстве.

Первым библиотекарем Горького был повар на пароходе «Добрый» — гвардии отставной унтер-офицер Смурый.

Из окованного железом сундука вынимал он книги с какими-то таинственными названиями: «Омировы наставления», «Мемории артиллерийские», «Письма лорда Седенгали»... И все же пароходный повар был первым учителем Горького, ибо он внушил ему любовь к книге.

Горький доставал книги, где только мог, — у гимназистов и певчих, лавочников и богомазов, жадно прочитывая пахнувшие трактиром лубочные книжки и переводные приключенческие романы. Среди этого хлама Горький случайно наткнулся на книги великих французских писателей — Бальзака и Флобера.

Кажется, одной из первых книг, которую он добыл сам, были сказки Андерсена.

Он стал читать «Соловья», который понравился ему с первой фразы: «В Китае все жители — китайцы и сам император — китаец».

Но сказки Андерсена были счастливой случайностью. Он не выбирал книги, а читал все, что попадалось под руку, все, что давали ему даром случайные друзья или же за деньги владельцы книжных ларьков.

Книги, прочитанные Горьким в детстве, были пестры, как люди, с которыми он встречался на своем пути.

Однажды в праздник, забравшись на крышу сарая, подальше от людей, он прочел «Простое сердце» Флобера, рассказ о том, как прожила кухарка свою немудрую жизнь. Обыкновенные слова, уложенные в обыкновенные фразы, трогали, волновали, и рассказ казался чудом.

Несколько раз, почти бессознательно, рассматривал он странные книги на свет, точно пытаясь найти между строк разгадку этого чуда, и не мог разгадать. Но теперь на смену любимым книжкам поваров, лавочников и певчих пришли книги, которые уже он сам любил трогательной и глубокой любовью: Пушкин и Гоголь, Тургенев и Лермонтов.

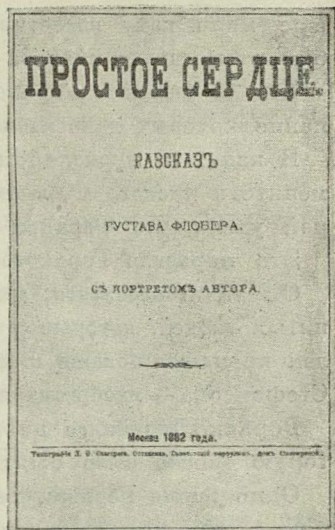
В нем очень рано развилась чуткость ко всему настоящему в литературе.

В одном столичном юмористическом журнале Горький нашел маленький рассказ, который показался ему очень хорошим. Захотелось самому попробовать писать так хорошо.

Под рассказом была странная подпись: «Антоша Чехонте».

Горький спросил об этом Чехонте у одного знакомого гимназиста; тот важно заметил, что следует читать серьезные книги, а не юмористические журналы.

Это был первый прочитанный Горьким рассказ

*Обложка рассказа Г. Флобера
«Простое сердце» издания
1882 г.*

еще мало кому известного Чехова — в будущем любимого писателя и друга Горького.

Жизнь казалась Горькому тюрьмой, а книги птицами, пение которых доносится до заключенного.

В каком-то журнале он увидел однажды портрет знаменитого ученого Фарадея и прочитал статью, из которой узнал, что Фарадей был простым рабочим.

Это поразило Горького, показалось ему невероятным.

Он заинтересовался, нет ли еще каких-нибудь знаменитых людей, которые ранее были рабочими. В журналах не нашел больше никого, но кто-то назвал Горькому Стефенсона — изобретатель паровоза тоже был рабочим.

Горький стремился не к славе, а мечтал о жизни, которую можно было бы назвать человеческой.

Одно время Горький готов был поверить, что подлинную жизнь он найдет в театре.

Впервые в театр он попал случайно, на ярмарке.

В красном кирпичном здании ставили «Господ Головлевых» по Щедрину. Известный артист Андреев-Бурдак изображал Иудушку Головлева, и Горький чуть не плакал от ненависти — ему хотелось бежать на сцену и убить Иудушку.

Он почувствовал страшную силу театра.

После спектакля Горький всю ночь бродил в лугах за ярмаркой. Какой-то пьяный остановил его и ударил кулаком по голове. Горький едва обратил на это внимание — настолько он был захвачен театральными впечатлениями.

Им завладела мечта играть самому в театре.

Мечта эта наполовину осуществилась — его приняли на службу в театр, правда, не актером, а статистом.

Первый спектакль, в котором участвовал Горький, была неуклюжая драма с хорами и танцами — «Христофор Колумб», или «Открытие Америки».

В этой пьесе Горький изображал одного из индейцев.

Он тыкал деревянным острием копья в животы испанцев, но когда сам был «насквозь» пронзен шпагой, забыл даже пошатнуться.

Актером Горький не стал. Оказалось, что театр может подчас овладеть зрителями, но жизнь за кулисами провинциального театра скучна и груба. Герой, только что припадавший к ногам возлюбленной, кричал на нее:

— Какого дьявола у тебя булавки натыканы, где не надо!

А благородный отец, оплакав на сцене несчастную дочь, за кулисами шипел на нее:

— Ты опять роли не знаешь, дурында?

На репетициях режиссер обращался со статистами, точно с каторжниками. Горького он называл окаянным сухарем и бессовестной фигурой. Темный зрительный зал казался огромной, глубокой могилой.

И, еще раз обманутый жизнью, Горький бросил театр. Он твердо решил учиться.

Гимназист, назвавший ему имя Стефенсона, советовал ехать в Казань — там был университет.

Горький оставил родину и поехал в Казань.

Без сожаления расставался он с Нижним, с его чердаками и подвалами, с его людьми.

Было Горькому тогда 15 лет.

Глава II

В К А З А Н И

«ГРОХАЛО»

«Если бы мне предложили:

— Иди, учись, но за это, по воскресеньям, на Николаевской площади мы будем бить тебя палками, — я, наверное, принял бы это условие».

Так писал Горький в своих воспоминаниях.

Учиться ему все же не удалось.

По приезду в Казань Горький понял, что ему, нижегородскому мещанину, бездомному человеку, в университет не попасть.

Его ждало иное — подвалы окраинных домов, речные пристани, подпольные кружки, знакомство с босяками, полицейскими, студентами, революционерами.

Таков был университет, в который попал Горький, и учение в этом университете нельзя было забыть...

Жилье для себя Горький нашел на унылом пустыре, в подвале развалившегося дома, а работу в Устье, на речных пристанях. Платили ему двугривенный в день.

Он очутился среди пестрого населения пристаней — грузчиков, жуликов, нищих и еще более пестрого населения «Стеклянного завода». Так почему-то называлось старое, полуразрушенное здание, может быть, потому, что в его окнах не было ни одного целого стекла.

Стеклянный завод был местом сбора казанских босяков. Здесь сталкивались исключенный из университета студент и отбывший десять лет каторги старик-тряпичник, нищий, который был ранее ветеринаром, и бродяга, когда-то служивший лакеем у губернатора. Прошлое было у всех различным, а настоящее одинаковым — голодным и нестерпимым.

Странными и нередко непонятными казались они Горькому, но все же он находил босяков лучше тех обыкновенных людей, которые жили в своих домишках с окованными железом сундуками и убранными цветной бумагой окошками. Босяки пили, дрались и воровали, но не жадничали, не копили денег, не жаловались на жизнь и о мещанах говорили насмешливо и презрительно.

Однажды кто-то украл хорошие охотничьи сапоги. Решено было их пропить. Но один из босяков, больной и

за несколько дней перед тем избитый полицией, сказал, что следует пропить только голенища, а головки отрезать и дать «студенту», который ходил в развалившихся опорках:

— Застудит ноги — сдохнет, а человек хороший.

Многие из этих людей напоминали Горькому живописных персонажей авантюрных повестей.

Но не одни герои книжных приключений привлекали Горького. В нем жила мечта о чем-то более значительном. Она толкала его к иным людям, незнакомым мыслям, непрочитанным книгам.

Друзья Горького привели его в бакалейную лавочку на окраине города. Владельцем ее был революционер Андрей Деренков. В лавочке торговали сахаром, свечами, карамелью и мылом, но в комнате позади лавки висел портрет Герцена и хранились запрещенные книги.

На смену повестям и романам пришли книги ученых, мыслителей и революционеров.

Из лавки Деренкова Горький попадает в тайные студенческие кружки. Здесь изучали труды по истории и политической экономии, читали доклады и шумно спорили о судьбах революции в России.

Это был вольный университет революционной молодежи, и он дал Горькому больше знаний, чем мог бы дать ему императорский Казанский университет.

Горький познакомился здесь с трудами Адама Смита и с книгами Чернышевского, и с сочинениями Карла Маркса. «Капитал» Маркса был тогда величайшей библиографической редкостью, и первая его глава ходила переписанной от руки...

Когда казанские жандармы произвели однажды у Горького обыск, они нашли у него заполненную выписками тетрадь. К счастью для Горького, в тетради оказались выписки не из Маркса, а из книги более невинной —

«Современные учения о нравственности и ее история»
Миртова-Лаврова.

Жандармы все же поспешили сообщить об этом властям на родину Пешкова, в Нижний. То обстоятельство, что этот простой человек, коловший дрова и таскавший грузы, читал научные книги и делал из них выписки, показалось очень подозрительным.

В кружках Горького называли «Грохалой» не за один его громкий, окаяющий бас — он выступал с докладами, участвовал в долгих ночных прениях, и все, что говорил он, было не заученным и книжным, а своим и передуманным. Он успел узнать жизнь неизмеримо глубже многих товарищей, и потому замечания его часто ошарашивали своей едкой неожиданностью.

— Ты, брат, не на то обращаешь внимание! — сердито упрекал Горького один из его учителей.

Многое, что Горький находил в книгах, казалось хорошо знакомым. Авторы сочинений по политической экономии описывали печальную участь рабочих, но эта участь была испытана Горьким на собственном опыте.

В Казани ему пришлось пройти самый тяжелый курс в тех университетах, которые приготовила Горькому жизнь.

ДВЕ БУЛОЧНЫХ

«В рассказе сильно чувствуется тесто, пахнет булками».

*Из письма А. П. Чехова
М. Горькому.*

Пришла осень. Последние пароходы спешили в затоны, пристани вымерли, работы на реке больше не было.

Горький бродил по застывшему Устью, мимо пустых ларей и заколоченных досками зданий.

Владелец булочной в Казани Василий Семенов (X). На подлиннике фотографии М. Горький пометил: «Мой казанский хозяин Вас. Сем. Семенов». (Государственный литературный музей.)

Он голодал, ночевал где попало, даже на берегу, под опрокинутой лодкой, и с грустью убеждался, что осень — плохое время для бесприютного человека.

Горький готов был взяться за любую работу, лишь бы она дала ему пристанище.

За три рубля в месяц он нанялся подручным пекаря в крендельное заведение Семенова.

Заведение Семенова помещалось в подвале. Окна крендельной упирались в яму. Хозяин забил их железом, чтобы рабочие не могли подавать хлеб нищим.

В этом подвале Горький должен был по четырнадцати часов в сутки укладывать крендели в форме буквы «В». Горький давно успел узнать, что такое тяжелый физический труд, но работа у Семенова показалась ему, сильному и необыкновенно выносливому юноше, изнурительной, нестерпимой...

Иногда Горького охватывало такое чувство, точно три этажа дома, где помещалась крендельная, были построены прямо на его плечах.

Соседки по дому называли семеновских рабочих «арестантиками».

Семенов не только изнурял своих «ребят» четырнадцатичасовой работой, но и непрестанно издевался над ними, избивал, штрафовал и наказывал, точно пекарня в самом деле была арестантскими ротами.

Но не жестокости Семенова удивлялся Горький — он уже достаточно видел ее в жизни. Поразило его другое — покорность рабочих и готовность их даже восхищаться оборотистостью Семенова. Горький думал о хозяевах иначе и смело говорил об этом товарищам.

Семенов как-то подслушал беседу:

— Про что грохашь, Грохало?

Горький был наказан: неделю без смены набивал тесто.

Однако, Грохало умел отстаивать свое человеческое

достоинство. Семенову пришлось убедиться, что у него внизу, в подвале, есть человек, сломить которого ему не удастся.

Даже за работой Горький не расставался с книгой. Он устроил из лучины нечто вроде шюпитра и ставил на него книгу. Это позволяло ему читать и одновременно укладывать крендели на лубки.

Однажды, войдя неожиданно в пекарню, Семенов застал Горького за чтением Льва Толстого. Хозяин хотел бросить книгу в печь.

— Жечь книгу нельзя! — сказал Горький, схватив Семенова за руку.

Это было сказано так внушительно, что Семенов вернул ему книгу и молча ушел.

В другой раз, когда хозяин издевался особенно нагло, Горький спокойно схватил его за ухо и оттрепал. Семенов так привык к рабской покорности рабочих, что скорее оторопел, чем рассердился.

Но Горький отстаивал не только собственное достоинство — он стремился стать на защиту своих товарищей. В сундуке на печи у Горького лежали потрепанные книжки стихов. Семеновским «арестантикам» Горький читал строки поэта:

«Как высоко твое, о человек, призвание...»

Горький хотел, чтобы о высоком этом призвании рабочие напомнили хотя бы своему хозяину. Пробовал устроить забастовку, но неудачно.

Знакомство с революционерами помогло ему избавиться от службы у Семенова.

Андрей Деренков устроил булочную; доход с нее должен был идти на революционные цели. В булочную нужен был помощник пекаря, и Горький был, конечно, для этого самым подходящим человеком.

Он перебрался от Семенова к Деренкову. Месил тесто, сажал хлеб в печь и относил булки в студенческую столовую. В своей корзине Горький нередко прятал революционную литературу, которую вместе с булками должен был незаметно сунуть в руку кому-нибудь из студентов...

Булочная Деренкова помещалась по соседству с жандармским управлением. Жандармы в синих мундирах перелезали через забор и приходили за булками.

Заведение Деренкова вызывало подозрение.

— Читать любишь? — выпрашивал Горького городской Никифорыч. — Какие же книги, например?

Никифорыч зазывал помощника пекаря к себе в будку и заводил беседу о студентах и врагах народа.

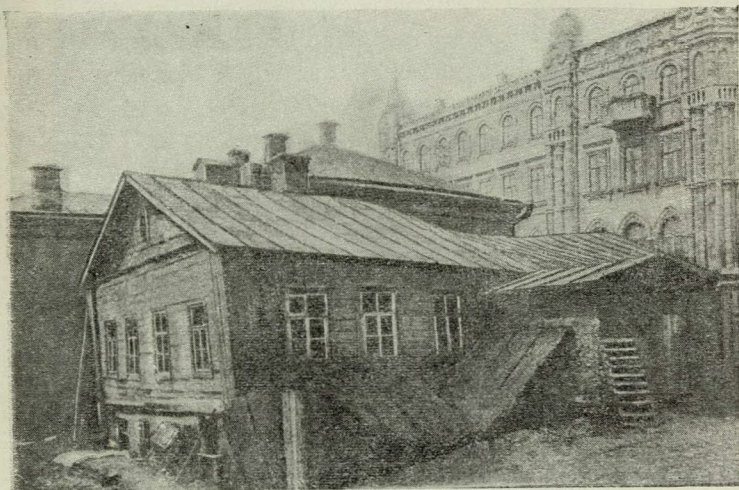
— Незримая нить, — объяснял Никифорыч, — как бы паутинка, исходит из сердца его императорского величества государя императора Александра третьего и прочая, проходит она сквозь господ министров, сквозь его высокопревосходительство губернатора и все чины вплоть до последнего солдата. Этой нитью все связано, все оплетено. Незримой крепостью ее и держится на веки вечные государево царство... Понял?

Горький понимал. Он уже сам все яснее ощущал эту незримую нить — нить сыска и доносительства...

Вся жизнь опутывалась этой нитью. С ее помощью правительство выхватывало из подполья революционеров, бросало их в тюрьму, отправляло на каторгу.

Опутывала незримая нить и людей послабее — тех, кто видел несправедливости жизни, но не находил в себе сил вступить в борьбу. Вокруг каждого еще не согнувшегося человека образовывалась пустота; выбраться из нее было трудно.

Пустоту эту начинал постепенно чувствовать и Горький.

Дом в Казани, где помещалась булочная А. Деренкова.

Жизнь в булочной Деренкова была легче, чем в крендельной Семенова, но и здесь работа отнимала целый день, нередко и часть ночи.

Усталый приходил Горький в свою каморку и, придвинув к книге маленькую лампочку мутно-голубого стекла, принимался за чтение.

В эти ночные часы Горький запасался обширными знаниями. На опрокинутом ящике — он служил Горькому столом — рядом с Пушкиным лежал труд физиолога Сеченова «Рефлексы головного мозга».

Часто, закрыв книгу, он мечтал о другой жизни, умной и увлекательной, которая должна была где-то существовать.

Хотелось с кем-нибудь поделиться этими мечтами.

С тревогой и надеждой, пренебрегая опасностями, о которых намекал ему Никифорыч, шел Горький к тем, кто жил мыслями о революции.

Его встречали в подпольных кружках сочувственно, но относились к нему немного высокомерно, как часто относятся интеллигентные люди к самоучке.

Горького так и представляли:

— Самоучка... из народа.

Ему дивились, но чаще слушали равнодушно, а иногда и высмеивали.

Горький заговаривал иногда о мечтах своих.

— Бросьте! — обрывали его.

И Горький замыкался в себе.

Он завел тетрадку, куда между выписок из прочитанных книг заносил стихи собственного сочинения. Писал о несчастном своем друге — стекольщике Анатолии, о весеннем снеге, который грязной водой стекает в подвал пекарни, и еще — о Волге, которую любил.

Тетрадь эту Горький тщательно прятал от всех.

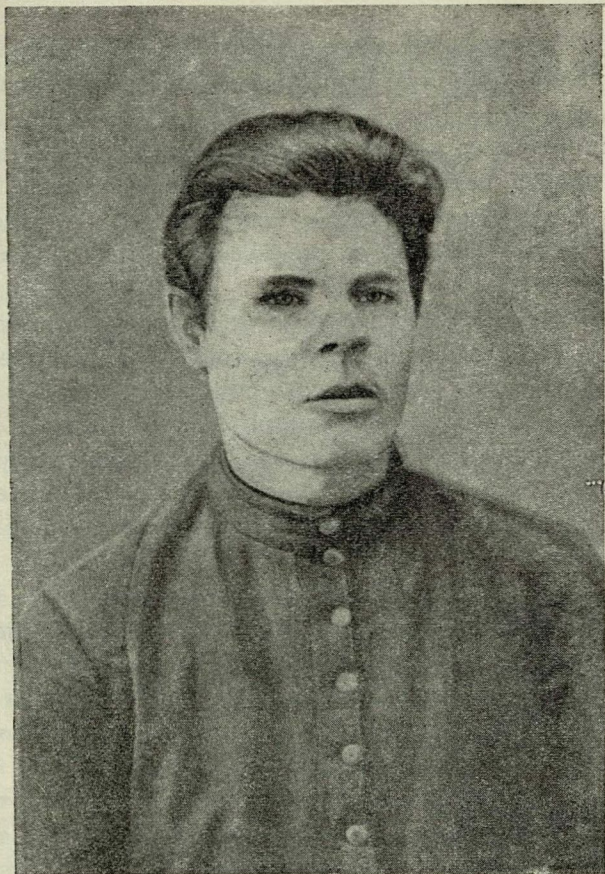
• СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ МАКАРА •

«Вы, сударыня, знаете, без сомнения, какое-нибудь средство против зубной боли? А у меня зубная боль в сердце. Это скверная боль, и ей очень хорошо помогает свинец с тем зубным порошком, который изобретен Бертольдом Шварцем».

Генрих Гейне.

Из Нижнего пришло письмо — умерла бабушка, единственный близкий и дорогой Горькому человек на всем свете...

Стояла осень, шли бесконечные дожди, казалось, что незримая паутина, о которой говорил Никифорыч в своей будке, охватила словно больную природу.

М. Горький в эпоху жизни в Казани.

Горький вспоминал прошлое, бабушку, чудесные хождения в лес, книги — это было хорошее и светлое, все же остальное угнетало, как эта долгая осень.

По ночам из каморки Горького раздавались унылые звуки — от тоски он стал учиться играть на скрипке...

Этот год принес множество самоубийств. В предсмертной записке один студент писал об «ускоренном выходе из жизни».

К ускоренному выходу из жизни стремились и некоторые друзья Горького. Застрелился Музыкантский, студент с длинными волосами и всегда печальным лицом...

14 декабря 1887 года в казанской газете «Волжский вестник» появилась заметка:

«12 декабря, в 8 часов вечера, в Подлужной улице, на берегу реки Казанки, нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков выстрелил из револьвера себе в левый бок с целью лишить себя жизни. Пешков тотчас же отправлен в земскую больницу, где, при подании ему медицинской помощи, рана врачом признана опасной. В найденной записке Пешков просит никого не винить в его смерти».

О том, почему «нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков выстрелил из револьвера себе в левый бок», через четверть века объяснил сам Горький в своем рассказе «Случай из жизни Макара». То был только случай, но случай трагический, который еще раз напомнил о неизмеримо трудном жизненном пути Горького.

Приняв решение покончить с собой, Горький отправился на базар, купил там за три рубля тяжелый тульский револьвер.

Ночью Горький пошел за город...

Его нашли лежащим в снегу, на краю ската к реке, и отвезли в больницу. В кармане у него обнаружили странную записку:

«В смерти моей прошу обвинить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце. Прилагаю при сем мой документ, специально для сего случая выправленный. Останки мои прошу взрезать и осмотреть, какой чорт сидел во мне последнее время.

Из приложенного документа видно, что я А. Пешков, а из сей записки, надеюсь, ничего не видно».

Врач объявил, что через три дня раненый умрет. Слова эти донеслись до сознания Горького.

— А я не умру, — сказал он.

Профессор рассердился. Поведение больного, видимо, показалось ему невежливым.

Горький не умер.

В дни выздоровления, медленного и тяжелого, в палату к Горькому пришли его старые товарищи — рабочие из крендельной Семенова. От них он услышал слова простые, ласковые, человеческие. И Горький почувствовал, что «зубная боль в сердце» утихла и жить хочется.

СЕЛЬСКАЯ ЛАВКА

Он вернулся в булочную Деренкова, но не надолго.

Сюда заходил иногда Антон Михайлович Ромась. Сын кузнеца, бывший железнодорожный рабочий, старый революционер, перенесший уже десять лет царской ссылки, он производил впечатление человека необычайной силы и непоколебимого спокойствия.

Ромась обратил внимание на помощника пекаря и понял, что Горькому следует помочь жить.

Ромась позвал Горького к себе в приволжское село Красновидово. Здесь у Ромася была мелочная лавка, которую он держал, чтобы, живя в деревне, вести революционную пропаганду среди крестьян.

Горький поехал к Ромасю.

В Красновидове он впервые лицом к лицу столкнулся с крестьянами. И с каждым днем жизни в Красновидове охватывало его все более тяжелое чувство. Во многих прочитанных Горьким книжках мужик изображался существом мечтательным и простодушным. В Красновидове

Горький увидел другое — слепую злобу и волчью жадность. Из-за разбитой глиняной корчаги три семьи дрались кольями, переломили руку старухе и разбили череп парню. И такие драки возникали чуть ли не каждую неделю.

Красновидовские богатеи ненавидели Ромаса и его лавку. Вечерами около лавки собиралась толпа. По адресу Ромаса раздавались злобные выкрики.

Вскоре по приезде Горького кулаки начали действовать.

Крестьянин Изот дружил с Ромасем — его нашли на берегу Волги мертвым, с разбитым черепом.

В самого Ромаса стреляли из ружья.

Потом в избе, где жил Ромась, кулаки взорвали печь, начинив полено порохом. Наконец, подожгли и лавку и избу. Огонь захватил Горького на чердаке. Он выбросился в окно, завернувшись в тулуп.

Лавка Ромаса стореда. Горькому пришлось искать новое пристанище.

Он покинул Красновидово. Вместе со своим товарищем Бариновым Горький отправился по Волге вниз, к Астрахани. Плыли долго, то зайцами на пассажирских пароходах, то нанимаясь матросами на баржи. Наконец, достигли Каспия. Здесь Горький впервые увидел море, и здесь недавний пекарь и сиделец в лавке занялся трудом рыболова.

Глава III

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ СТОРОЖ

Неприятной и чужой показалась Горькому Казань по возвращении с Каспия. Лавки Деренкова уже не было, исчезли и многие старые знакомые.

В городе для Горького работы не нашлось. Он посту-

пил на глухую железнодорожную станцию Добринку ночным сторожем.

Еще давно, в детстве, он мечтал вырваться из города, жить где-нибудь в лесной сторожке или на забытом людьми полустанке.

И вот печальная детская мечта исполнилась. Но оказалось, что жизнь и здесь преследовала его.

Каждый день, с шести вечера до шести утра, ходил Горький с палкой вокруг пакгаузов, охраняя мешки с мукой.

Горькому удавалось охранять муку от воров из соседних казачьих станиц. Но воровали не они одни. Воровал сам начальник станции, огромный человек с рачьими глазами и черной бородой, которого звали Африканом. Когда в Добринку приходили вагоны с юга, с Каспия, Африкан взламывал их — они были гружены персидскими шелками и восточными сладостями. Краденое сбывалось, и на вырученные деньги Африкан устраивал дикие попойки, в которых заставлял участвовать и Горького.

К счастью, Горькому пришлось прослужить на станции лишь несколько месяцев. Его возненавидела кухарка Африкана. Такая же огромная, как ее хозяин, баба эта грозилась:

— Затираню!

И Горький после ночного дежурства должен был по приказу кухарки работать на дому у Африкана за дворника, истопника и конюха.

Горький написал жалобу в правление дороги. Едва ли там стали бы разбирать жалобу ночного сторожа на какую-то кухарку. Но Горькому пришлось в голову изложить свое заявление стихами. Изнывавшие от скуки железнодорожные чиновники прочли забавную бумагу. Начальство решило смягчить судьбу Горького. Его пере-

вели в уездный город Борисоглебск, на товарную станцию — смотреть за мешками и брезентами.

Уездный город порастил Горького своим уродливым и бессмысленным существованием.

Городской голова приглашал духовенство служить молебны об изгнании чертей из колодца, учитель городского училища порол по субботам в бане свою жену; ни молебны эти, ни порки никого в Борисоглебске не возмущали, никого не удивляли...

В рассказе «Сторож» Горький писал о своей жизни в Борисоглебске:

«Мечтая о каких-то великих подвигах, о ярких радостях жизни, я охранял мешки, брезенты, щиты, шпалы и дрова от расхищения казаками ближайшей станицы. Я читал Гейне и Шекспира, а по ночам, бывало, вдруг вспомнив о действительности, тихонько гниющей вокруг, часами сидел или лежал, ничего не понимая, точно оглушенный ударом палки по голове».

В Борисоглебске на железной дороге служило много людей интеллигентных—бывшие студенты и семинаристы, статистики, офицеры. Иные из них считались политически «неблагонадежными», побывали в тюрьмах и ссылке.

С гневом передавал им Горький свои наблюдения над борисоглебскими обывателями. Интеллигенты выслушивали Горького со смехом — все эти рассказы казались им веселыми анекдотами.

Это удивляло Горького. В Казани, в революционных кружках, он чувствовал, что какая-то черта отделяла его от интеллигентов. Это причиняло боль, но к людям этим Горький питал уважение. Здесь же, в Борисоглебске, он увидел в интеллигентах только уездных чиновников-пошляков.

Лишь один из них, Баженов, выслушав Горького, сказал:

— Как это жутко!

Он сказал это искренне. И Горький почувствовал уважение к Баженову.

Сам Горький был как бы перенасыщен темными впечатлениями. Приливы незнакомой злобы и презрения к людям охватывали его. Книги, которые он прочитывал в своем тяжелом одиночестве, говорили ему, что в жизни есть не только грязное и глупое, но и светлое, радостное.

Горький твердо верил в этот мир, но жизнь несла ему новую обиду и тоску.

Из Борисоглебска Горького перевели весовщиком на станцию Крутую.

На этой затерянной в степи станции человек чувствовал себя точно помещенным под воздушный колокол — так сжималось здесь сердце от чувства пустоты. Свистели суслики, ныли комары, гудели редкие поезда, и это было все, чем жизнь напоминала здесь о себе. В Борисоглебске были хоть книги, и после возни с мешками и брезентами Горький оставался наедине с Гейне или Шекспиром. А здесь не было ничего, кроме зачитанных номеров «Нивы».

Однажды Горький получил на Крутую известие: единственный его борисоглебский друг, Баженов, пошел на кладбище и застрелился. В предсмертной записке он просил переслать свои книги на Крутую—«Максимиычу»...

Много раз пришлось Горькому быть свидетелем того, как уходили из жизни именно те люди, которые Горькому казались лучше других...

**
*

Горькому шел 22-й год. Надо было призываться на военную службу.

Он оставил Крутую и отправился пешком на родину.

Была весна, но попасть в Нижний Горький надеялся только осенью.

Глава IV

«ПЕСНЬ О СТАРОМ ДУБЕ»

Он шел по Донской области, побывал в тамбовских и рязанских местах, заглядывал в станицы, деревни, монастыри, зарабатывая себе на хлеб случайной работой прохожего человека.

Это было первое путешествие Горького по России.

В сентябре, наконец, Горький попал в Москву.

Он поспешил в Хамовники — здесь стоял старый барский дом, и в этом доме жил Лев Толстой.

Толстого Горький не застал. Софья Андреевна, жена великого писателя, отвела незнакомца на кухню и угостила его стаканом кофе и булкой. Графиня заметила при этом, что к Льву Николаевичу шляется много темных бездельников. Горький вежливо с этим согласился.

Горькому надо было идти дальше, в Нижний. Вот как вспоминал Горький об этом путешествии:

«Был конец сентября, землю щедро кропили осенние дожди, по щетинистым полям гулял холодный ветерок, леса были ярко раскрашены; очень красивое время года, но несколько неудобное для путешествия пешком, а особенно — в худых сапогах.

На станции Москва-Товарная я уговорил проводника пустить меня в скотский вагон, в нем восемь черкасских быков ехали в Нижний на бойню. Пятеро из них вели себя вполне солидно, но остальным я почему-то не понравился, и они всю дорогу старались причинить мне различные неприятности; когда это удавалось им, быки удовлетворенно сопели и мычали.

А проводник, человечешко на кривых ногах, маленький, пьяный, с обкусанными усами, возложил на меня обязанность кормить спутников моих; на остановках он совал в дверь охапки сена, приказывая мне:

— Угощай!

Тридцать четыре часа провел я с быками, наивно думая, что никогда уже не встречу в моей жизни скотов более грубых, чем эти.

Ехал Горький в Нижний с литературным багажом. В котомке у него лежала тетрадь стихов и поэма под названием «Песнь о старом дубе».

Автор был от нее в восхищении и твердо верил, что, будучи напечатанной, она оставит заметный след в жизни человеческой на земле.

В солдаты Горького не взяли.

— Дырявый, пробито легкое насквозь! — заявил военный врач.

Надо было устраиваться. Бывший поваренок, крендельщик, статист в театре и железнодорожный сторож нанялся чернорабочим на склад пива и развозчиком баварского кваса...

Прохожие оборачивались на него — одевался он так: широчайшая шляпа оперного бандита, белая куртка повара и синие шаровары городского.

Обратила внимание на Горького и полиция. Но ее занимала не странная одежда развозчика баварского кваса...

В ту пору в Нижнем проживало много революционеров. Среди них были старые знакомые Горького по Казани, высланные в Нижний после волнений в Казанском университете.

Человек в куртке повара и шароварах городского стал посещать собрания нелегальных кружков.

Поселился Горький на одной квартире с двумя высланными из Казани политическими — бывшим учителем Чекиным и бывшим студентом Сомовым.

Это вызвало особое подозрение властей.

Вокруг дома, где жил Горький и его товарищи, появи-

лись сыщики. О нижегородском мещанине Алексее Пешкове были разосланы запросы в разные города.

Вскоре власти получили приказ из Петербурга арестовать Сомова.

Однако, полиция уже не застала его: Сомов скрылся. Стали опрашивать Горького.

«Держал себя при этом опросе Пешков в высшей степени дерзко и даже нахально», донесли начальству жандармы.

Горького арестовали и посадили в нижегородскую тюрьму, в одну из четырех ее круглых башен.

— Какой вы революционер? — брюзгливо сказал ему на допросе жандармский генерал. — Вы тут пишете стихи и вообще... Вот когда я выпущу вас, покажите ваши рукописи Короленко. Знакомы с ним?

И на прощанье добавил:

— Вам учиться надо, ну, там — писать, а не это...

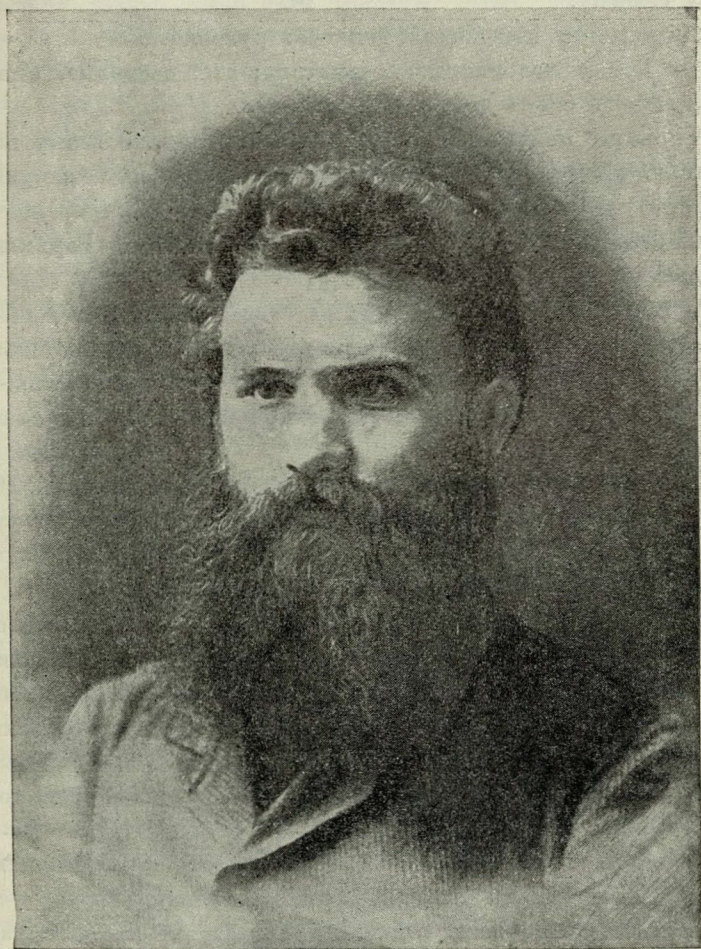
«Это» значило: революционная работа. Генерал не предвидел, что через несколько лет именно писания Горького станут предметом величайшей тревоги жандармов.

В тюрьме Горький просидел месяц. Его выпустили, но он уже был «неблагонадежный» — человек, находящийся под непрерывным наблюдением полиции.

От революционной борьбы Горький не отказался. Но одному совету жандармского генерала он все же последовал — он отправился к Короленко.

Короленко жил в те годы в Нижнем. Имя его было широко известно. Интеллигенция зачитывалась его рассказами и повестями, губернаторы и купцы боялись его разоблачительных статей в газетах.

В народе ходила странная легенда о том, что Короленко подослан кем-то из-за границы бороться с царским правительством...

В. Г. Короленко

Суровый и неуклюжий, Горький положил перед Короленко «Песнь о старом дубе» — ту, что так нравилась ему самому.

Короленко перелистал толстую рукопись...

— Тут у вас написано «зизгаг»; это, очевидно, описка, такого слова нет, есть — зигзаг...

Горький почувствовал благодарность к известному писателю за то, что тот пощадил самолюбие начинающего автора: увы, «зизгаг» — то была не описка...

Короленко заговорил о том, что в писаниях Горького нехватает мягкости.

В поэме было такое место:

«Я в мир пришел, чтоб не соглашаться. Раз это так...».

— «Раз так» — не годится! — заметил Короленко. — Это неловкий, некрасивый оборот речи. Раз так, раз этак, вы слышите?

Горький слышал впервые.

Через несколько дней Короленко прислал обратно рукопись.

На обложке ее он написал:

«По «Песне» трудно судить о ваших способностях, но, кажется, они у вас есть. Напишите о чем-либо пережитом вами и покажите мне. Я не ценитель стихов, ваши показали мне непонятными, хотя отдельные строки есть сильные и яркие».

Не писать ни стихов, ни прозы — так решил после этого Горький.

Решение было серьезное. Два года жил он в Нижнем и за это время ни разу не брался за перо.

Но надо было жить чем-то другим, кроме перекачывания в подвале пивных бочек...

А все складывалось так, что и здесь, в Нижнем, Горький начинал чувствовать знакомую уже пустоту, напоминавшую о днях жизни на унылой станции Крутой...

Он посещал интеллигентские кружки. Среди их участников он находил много хороших людей. Но все яснее Горький видел, что и эти хорошие люди оторваны от народа и жизни. Они читали книги, спорили легко и ловко, и только...

А Горький искал другое — он искал большую жизнь и большие чувства...

Ему казалось, что хорошо было бы уехать куда-нибудь очень далеко. Принялся хлопотать о зачислении добровольцем в топографическую команду — знакомый офицер обещал взять его с собой на Памир.

Но в команду Горького не взяли — ведь он был теперь «неблагонадежный».

Однажды летней ночью Горький сидел на Откосе; отсюда видна была Волга и туманная пелена над заречными лугами.

Неслышно рядом с ним сел на скамейку человек с курчавой бородой.

Это был Короленко.

— Что же, — спросил он, — пишете вы?

— Нет.

— Жаль. Я серьезно думаю, кажется, у вас есть способности. Плохо вы настроены, сударь...

То была правда — Горький был настроен плохо. В литературный свой дар он теперь не верил, книжные споры интеллигентов утомляли и казались ненужными. И, наконец, он полюбил, полюбил сильно в первый раз, но та, которую он любил, была замужем и не решалась для него оставить мужа...

И Горький бросил Нижний, как два года назад бросил глухую железнодорожную станцию, и снова пошел бродить по Руси.

Глава V

СТРАНСТВИЯ

«Это в высшей степени подозрительный человек; начитанный, хорошо владеющий пером, он исходил почти всю Россию (все большей частью пешком)».

*Из полицейского дела о
Горьком.*

Горький шел по Волге. В Царицыне он расстался с рекой и двинулся через степь.

В Ростове он остановился. В грязном ростовском порту нашлась работа — таскать с турецкого парохода тюки сырой кожи и ящики с табаком. Работать приходилось почти столько же, сколько у Семенова, — по 15 часов в сутки. Но получал Горький за свою работу полтинник в день.

Это было неслыханное богатство — Семенов платил ему гривенник.

В короткие перерывы во время работы Горький вместе с новыми своими товарищами спешил в наскоро сколоченные на берегу кухни, от которых несло острым запахом требушины. В лучшие дни шел в трактир под загадочной вывеской «Ейшопа», полный грузчиков и извозчиков.

Жил Горький около порта, в подвале, где какая-то старуха за пятак сдавала ему на ночь угол.

Из Ростова Горький пошел дальше. Он побывал на Украине, оттуда попал в Бессарабию и достиг берегов Дуная — самой границы Румынии.

Через несколько лет жандармские власти в одном из донесений в Петербург сообщали о Горьком:

«Пешков, пройдя пешком из Нижнего-Новгорода в Бессарабию, хотел оттуда проникнуть в Румынию, чтобы затем пройти во Францию, но, не будучи пропущенным через границу, он направился в Крым и Закавказье».

Этот обратный путь из Бессарабии в Закавказье — огромный путь в несколько тысяч верст — Горький шел большей частью берегами Черного моря.

Он странствовал долго — около двух лет. Шел от села к селу, от аула к аулу, узнавал новые, незнакомые страны: Молдавию и Крым, Кубань и Грузию.

Горький видел море, порты, корабли, табуны коней, костры в степях, далекие горы, цыганские таборы, татар-пастухов, схимников, контрабандистов, рыбаков, нищих, странников...

В степи его застигали грозы, молнии слепили ему глаза. В Керченском проливе он чуть не потонул. На Военно-Грузинской дороге его захватила снежная вьюга...

И почти всегда изо дня в день преследовал его голод.

Он шел по богатой земле, но в котомке у него часто не было ни кусочка; это казалось обидным и, главное, мешало думать.

Хорошо было в Абхазии — здесь Горький питался пьяным медом. Мед этот собирают пчелы с цветов лавра и азалии, а он выбирал его из дупел и наполнял свой котелок...

Но в трудные для путника дни приходилось браться за любую работу. Горький батрачил в черкесских аулах на Кавказе и у еврейских колонистов на Украине, служил кашеваром, работал на соляной добыче и на постройке шоссе, на рыбацких заводах помогал тянуть невод — за это получал ужин.

Однажды пришлось согласиться читать молитвы по покойнику — никакой другой работы в степном селе не нашлось. И он всю ночь читал молитвы, а на

утро, взяв кусок хлеба и отказавшись от денег, пошел дальше...

Зачем он шел? Об этом часто думал и он сам.

Чудесно было следить взором медленный путь туредкой фелюги в море, прислушиваться, как шуршат в степи мыши, видеть, как в пене горной реки кружатся листья, узнавать стук дятла на грабе...

Но еще чудеснее, еще важнее было ходить по всем дорогам, чтобы встречать людей и стараться их понять.

До ухода своего из Нижнего Горький прочитал Помяловского — писателя, которого он особенно полюбил.

Помяловский писал о том, что надо изучать всех участников жизни — лавочников, нищих, пожарных, бродяг...

Горький пристально наблюдал всех этих людей, изучал народ, о котором так много говорили и который так мало знали иные интеллигенты, наставники Горького...

Но часто из наблюдателя он превращался в участника событий, особенно если события эти вызывали в нем боль, гнев, возмущение.

В одном украинском селе ему пришлось присутствовать при так называемом «выводе» — гнусном истязании женщины, обвиняемой в измене мужу.

Маленькую совершенно нагую женщину, почти девочку, привязали к передку телеги рядом с лошадьёю. Рыжий мужик с налитыми кровью глазами, муж этой женщины, взобрался на телегу и двинулся в путь, нанося удары хлыстом — раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины.

А за телегой валила с криком и воем толпа...

Для сельчан то была не зверская расправа, а обычай, житейский случай, не более.

Никто не находил поведение рыжего мужика зверским, и никому в голову не приходило заступиться за истязаемую женщину.

Этот случай Горький позже описал в рассказе «Вывод».

«Это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии, Николаевского уезда», — так закончил свой рассказ Горький.

Он не захотел упомянуть о том, что все же нашелся один человек, который выступил на защиту несчастной женщины. Это был сам автор рассказа — Горький.

Он бросился на толпу. Тогда вся ярость кандыбовцев обратилась на неведомого путника. Его избили еще более жестоко, чем женщину, вывезли из села и бросили в придорожную грязь.

Горький лежал без сознания.

Ехавший с сельской ярмарки шарманщик увидел в кустах окровавленного человека, подобрал его и отвез в Николаев, в больницу. Здесь Горький отлеживался долго — били его в Кандыбовке насмерть.

Свидетелем трагического происшествия в Кандыбовке Горький оказался случайно. Но нередко во время своих странствий он круто менял маршрут, шел проселочными дорогами, чтобы увидеть самому то, чем жил в те годы народ.

В станицах Кубани он услышал, что в городе Майкопе произошел «чумный бунт». Народ возмутился бессмысленными мерами царских чиновников против чумы рогатого скота и избил казенных ветеринаров.

Власти вызвали войска. Казачий отряд расстрелял толпу крестьян. Многие были убиты.

Горький поспешил в Майкоп.

Он застал там плачущих вдов, напуганных жителей и нагло разъезжавших по улицам казаков.

Странного незнакомца сейчас же заметили. Горького арестовали и посадили в казарму — в городской тюрьме места для арестованных уже не было.

На допросе усатый жандармский полковник добивался ответа, почему Горький оказался в Майкопе в такие тревожные дни.

— Хочу знать Россию, — кратко ответил Горький.

Полковник гневно выругался:

— Это не Россия, а свинство!

Все было подозрительным в арестованном мещанине Пешкове. Бродил он по России без определенных занятий, в котомке у него обнаружили книги и даже тетрадь со стихами, на допросе он отвечал дерзко, глядя в глаза начальству.

Но никаких прямых улик против арестованного не было. Продержали его в казарме несколько дней и выпустили.

Майкопская казарма была второй тюрьмой в биографии Горького.

Глава VI

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

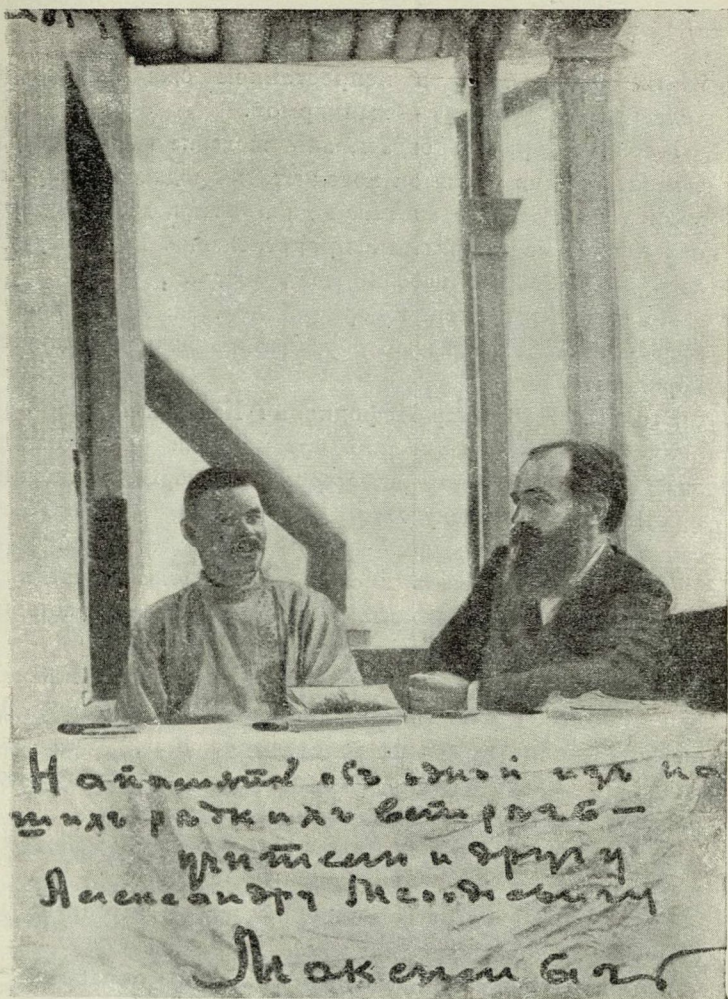
Долгий свой путь по югу России Горький закончил на Кавказе — в Тифлисе.

И здесь ему пришлось нелегко — все та же знакомая нужда, жизнь в подвале, столкновения с полицией, тяжелый труд... Но все же это было хорошее время, может быть, лучшее время в жизни молодого Горького.

В Тифлисе Горький нашел новых людей и новую дружбу.

Он поступил на работу в железнодорожные мастерские и быстро сблизился с революционно настроенными рабочими и студентами. В них Горький чувствовал не высокомерных наставников, а простых и хороших товарищей.

Вместе с ними он вел революционную пропаганду среди рабочих, — главным образом среди железнодорожников.

М. Горький и А. М. Калюжный в Тифлисе. 1903 г. На фотографии автограф М. Горького: «На память об одной из наших редких встреч — учителю и другу Александру Мефодиевичу. Максимыч».

Жить приходилось в непрестанном ожидании визита «блестящих пуговиц» — жандармов.

Иногда Горького охватывало желание вновь постраниковать. Одно время он хотел стать бродячим актером — ходить по России с котомкой за плечами, давая в деревнях немудрые театральные представления. Горькому удалось даже собрать небольшую труппу...

Но бродячим актером Горький не стал. В Тифлисе он встретил человека, который угадал подлинное призвание Горького.

Это был Александр Мефодиевич Калюжный.

Участник революционной организации «Народная воля», отбывший шесть лет царской каторги, Калюжный принадлежал к числу людей, обладающих, может быть, самым редким талантом — человеческим талантом.

Он умел привлекать к себе людей, умел слушать их и понимать, умел находить в людях лучшее и заставить их самих полюбить это лучшее...

При первых встречах Горький рассказывал о Бессарабии и Волге, о путевых приключениях, о себе самом. Калюжный молча глядел на собеседника. В нем Калюжный видел не только парня со странной судьбой, бесцельного бродягу, силача, забавника с невеселым лицом.

В рассказах Горького Калюжный уловил большой дар и большое сердце.

Случайное знакомство превратилось в глубокую, настоящую человеческую дружбу.

Будущее Горького Калюжный видел в литературе.

— Пишите обо всем этом, — настойчиво повторял он, увлеченный рассказами своего нового друга.

Горький писал, но не то, что ждал от него Калюжный.

В своей памяти Горький успел уже накопить неисчерпаемое богатство. Он жил с людьми в подвалах, мастерских, каютах, крестьянских срубах, обывательских до-

Издается по 3. Третья часть 1892 года. Цена 1 рубль в год, 30 копеек в квартал.

КАВКАЗЪ

Издается по 3. Третья часть 1892 года. Цена 1 рубль в год, 30 копеек в квартал.

<p>Содержание № 282. В этом номере: 1. М. Горький «Макар Чудра». 2. Повесть «Калужный». 3. Рассказы «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника». 4. Стихи «Калужный», «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника».</p>	<p>В этом номере: 1. М. Горький «Макар Чудра». 2. Повесть «Калужный». 3. Рассказы «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника». 4. Стихи «Калужный», «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника».</p>	<p>В этом номере: 1. М. Горький «Макар Чудра». 2. Повесть «Калужный». 3. Рассказы «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника». 4. Стихи «Калужный», «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника».</p>	<p>В этом номере: 1. М. Горький «Макар Чудра». 2. Повесть «Калужный». 3. Рассказы «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника». 4. Стихи «Калужный», «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника».</p>	<p>В этом номере: 1. М. Горький «Макар Чудра». 2. Повесть «Калужный». 3. Рассказы «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника». 4. Стихи «Калужный», «Мишки», «Сараи», «Сторожки», «Знал труд тряпичника», «Поваренка», «Богомаза», «Крендельщика», «Грузчика», «Разносчика», «Железнодорожника».</p>
--	--	--	--	--

Газета «Кавказ», в которой был напечатан первый рассказ М. Горького «Макар Чудра».

мишках, сараях, сторожках, знал труд тряпичника, поваренка, богомаза, крендельщика, грузчика, разносчика, железнодорожника, он видел страну, как может видеть ее только пешеход—от ручья к ручью, от костра к костру...

И казалось бы—писать вот об этом, о самом себе, о том, что сам видел и переживал. Но когда Горький принимался за писание, все это богатство почему-то тускло, и на память приходили строки из только что прочитанной книги. И Горький писал чужие слова, подражал поэмам Байрона или стихотворениям итальянского поэта Леопарди. Получалось что-то громкое, но жестяное.

Калужный понимал это.

— Пишите только то, что видели сами, — внушал он Горькому.

Вспоминая как-то о своих скитаниях по Бессарабии, Горький рассказал легенду о Радде и Лойко Зобаре, которую он слышал в цыганском таборе от старого табунщика Макара Чудры.

Калюжный запер Горького одного в комнате и освободил его только тогда, когда рассказ о встрече с Макаром Чудрой был готов.

Калюжный отнес рассказ в редакцию «Кавказа», большой тифлисской газеты.

Рассказ понравился. В рукописи нехватало только одного — подписи. Автор придумал ее, сидя в редакции:

— Горький, Максим Горький...

И в сентябре 1892 года появился «Макар Чудра» — первый рассказ Горького.

Поздней осенью Горький двинулся обратно на родину — в Нижний.

Из Тифлиса он увозил с собой память на всю жизнь о Калюжном — человеке, который первый открыл в Горьком писателя.

Глава VII

ИГУДИИЛ ХЛАМИДА

Горький возвращался не один. Ольга, та женщина, которую он полюбил в Нижнем и память о которой не потускнела для него за долгую пору скитаний, оказалась в Тифлисе.

Случайно узнав об этом, Горький упал в обморок — в первый раз в жизни.

Своего мужа Ольга оставила, препятствий для совместной жизни теперь не было. Ольга поехала с Горьким в Нижний.

Они поселились в старой бане, в саду у пьяненького попа. Наступила зима, в бане стоял жестокий холод, а

когда топилась печь, все жилье наполнялось нестерпимым запахом веников и мыла.

Горький служил письмоводителем у известного нижегородского адвоката и общественного деятеля Ланина. Он переписывал прошения и апелляционные жалобы, ходил по делам Ланина в суд, а по ночам, сидя в предбаннике, — здесь Горький устроил свой кабинет, — читал романы Бальзака и труды философов, мечтал о далеком путешествии — в Индию, на Цейлон, но чаще всего сочинял рассказы.

Печатать их он не решался. Писательство было для него высоким, почти чудесным призванием, собственные же сочинения казались тусклыми и бедными.

Однажды Горький написал рассказ о том, как вместе со своим спутником Емельяном Пиляем бродил он голодным по берегу Черного моря, как на ночлеге в степи спутник его рассказал о неудачной попытке «кlynуть денежного человека по башке»...

Один из приятелей Горького взял рукопись и повез в Москву, и вскоре Горький увидел своего «Емельяна Пиляя» напечатанным в столичной газете «Русские ведомости».

Это придало Горькому решимости. Свои рассказы он посылал в Казань, в газету «Волжский вестник».

Оттуда Горький получил гонорар, около тридцати рублей. Сумма эта показалась ему огромной.

На рассказы Горького обратил внимание Короленко. Он захотел увидеть начинающего писателя, подписывавшегося этим звучавшим непривычно псевдонимом — Максим Горький.

Горький явился в деревянный дом на краю города. И в Максиме Горьком Короленко узнал того неведомого молодого человека, который несколько лет тому назад принес ему поэму о старом дубе... В маленькой комнатке,

заполненной цветами, книгами и кипами газет, беседовали они о литературе, русской деревне и тех одиноких русских людях, которых нищета и беспокойство гонят по бесчисленным дорогам страны.

Короленко похвалил рассказы Горького:

— Пишете вы очень своеобразно. Не слажено все у вас, шероховато, но любопытно.

— Так вы думаете, я могу писать? — спросил Горький.

— Конечно! — воскликнул Короленко, несколько удивленный. — Вы уже пишете, печтаетесь, чего же? Заходите посоветоваться, несите рукописи...

В Короленко, в большом и правдивом художнике, Горький нашел внимательного и чуткого учителя.

Замечания Короленко были простые, но верные и нужные. Он советовал Горькому не увлекаться красивыми фразами, быть более скупым на слова, не приукрашивать людей.

И он же дал Горькому житейский совет — уехать из Нижнего. Короленко слышал про нужду Горького, про его нескладное существование в бане, слышал про то, что семейная жизнь молодого писателя была не слишком счастливой...

Горький и сам понимал, что надо изменить жизнь и, может быть, расстаться с Ольгой. Он любил эту женщину, но жизнь представлялась ей занимательным фокусом, не более. С равнодушием относилась она к рукописям Горького, к его любимым книгам и дорогим ему мечтам.

Короленко предложил Горькому постоянную работу в «Самарской газете». Горький принял это предложение. Скучная возня с судебными бумагами и гербовыми марками, война с мокрицами в тесной бане, борьба за двугривенные и полтинники — все это внезапно оказалось позади.

С Ольгой он расстался навсегда.

В Самаре окончательно определилась жизненная судьба Горького. Он уже печатался, но все же был еще не литератором, а письмоводителем адвоката, человеком случайных профессий и случайного заработка. В Самаре Горький превратился в писателя-профессионала.

Кроме Короленко, в «Самарской газете» печатались такие известные писатели, как автор «Аленушкиных сказок» — Мамин-Сибиряк и автор «Детства Темы» — Гарин-Михайловский. И вот рядом с ними появился Горький. Каждое воскресенье читатели «Самарской газеты» находили новый его рассказ.

Горький вспоминал о недавнем прошлом — о годах, заполненных тяжелым трудом, приключениями, скитаниями, удивительными встречами, и эти пестрые, богатые, неистощимые воспоминания были тем материалом, из которого он строил свои вещи — «Вывод», «Дело с застежками», «Однажды осенью».

В газете Горький помещал также и фельетоны на местные самарские темы. Писал о конке и городском саде, об уличных хулиганах и летнем театре, о больнице и городской управе. Фельетоны были изобличительные и мрачные. Подписывал их Горький странным именем — «Иегудиил Хламида».

— Фельетонист вы слабый, — с обидной откровенностью сказал ему при первом знакомстве Гарин-Михайловский. — Юмор есть, но грубоватый, и владеете вы им неумело.

Горький сам сознавал, что Иегудиил Хламида пишет плохо, и называл свою работу фельетониста «окаянной».

И все же, как ни слабы были фельетоны Иегудиила Хламиды по сравнению с рассказами Максима Горького, они делали свое дело. Фельетоны Хламиды часто задевали хозяев Самары — богатых хлеботорговцев и ското-

промышленников. Пусть грубовато и неуклюже, но Хламида непрестанно выступал на защиту рабочих-подростков, прислуги, бедняков, выступал на защиту людей, чья судьба была ему близка и понятна.

Горький жил в Самаре уединенно, в маленьком доме над Волгой. Он знал, что ему надо много еще работать. И Горький работал, как только может работать человек, который после долгих колебаний почувствовал, наконец, что призвание у него — одно.

Сперва, когда Горький приехал в Самару, в его рукописях изредка еще попадались «зизгаги», орфографические ошибки. Но он уже хорошо знал Шекспира и Гете, Диккенса и Мопассана, Теккерея и Гюго, читал наизусть стихи Лермонтова и Боратынского, не расставался с книгами Флобера и Стендаля — французских писателей, тогда еще мало ценимых в России.

Ошибки потом исчезли, все более уверенной становилась писательская манера Горького. Целыми днями просиживал он над рукописями или за чтением в своей комнате, в которой не было ничего, кроме железной кровати, полки книг и заваленного бумагами стола. Дня не хватало, и Горький работал по ночам.

Случайный ночной прохожий, шедший по пустынной Вознесенской улице, заглянув в окно полуподвала, видел облитые желтым керосиновым светом листы бумаги и склоненную голову с упавшими на лицо прядями волос.

Всходило солнце, свет лампы в окне бледнел, но не гаснул.

**
*

Когда Горький приехал в Самару, местные журналисты знали только одного Пешкова, какого-то казачьего офицера, прославившегося переходом на коне из Сибири в Петербург. Редактору «Самарской газеты» пришлось

разъяснить, что приглашенный им в газету Пешков—«не офицер, а босяк...»

Через год Горький был уже известен. Все приволжские газеты старались привлечь молодого писателя. Пригласил к себе Горького и «Нижегородский листок».

Горький вернулся снова в Нижний.

Глава VIII

С Л А В А

Горький застал Нижний изменившимся. К привычным нижегородским запахам дегтя, кислой капусты и вяленой рыбы примешивались теперь запахи свежей масляной краски и кипящего асфальта. Всюду подкрашивали дома и сооружали тротуары.

В Нижнем открывалась всероссийская промышленная выставка. Страна переживала в ту пору промышленный подъем. Выставка должна была показать всей Европе успехи и силу русского капитала.

Посреди унылого поля, рядом с нищей и грязной слободой, построили павильоны, похожие на кондитерские торты, терема с лубочных картинок и опрокинутые корыта. Павильоны набили ситцами, пеньковыми веревками, иконами, цветисто расписанным фарфором, золотой парчой, вилками, сафьяном... Пригнанные на выставку владимирские пастухи играли на рожках, рыжий человек в поддевке вызванивал на колоколах «Славься, славься, наш русский царь». Над выставкой сверкал двуглавый золотой орел, а над ним болтался на привязи серый воздушный шар.

На открытие выставки приехал Николай II. Купцы прославляли его стеариновыми свечами, разноцветными бутылками и казанским мылом. Из свечей построили часов-

ню, из бутылок воздвигли арку, из мыла отлили бюсты Романовых.

Это был торжественный парад богатства страны и глупости ее хозяев. Показывали самодельное пианино с бычьими жилами вместо металлических струн. Инструмент гремел, как развалившийся тарантас. Какой-то российский изобретатель выставил машину, которая, по его мнению, должна была произвести могучий переворот в технике. Машина оказалась старинным велосипедом. Бывший нотариус предлагал вниманию публики изобретенную им хлопущку для уничтожения оводов на лошадях; лошади, по которым хлопала машина нотариуса, бесились. Публике показывали живого моржа (его привезли вместе с семьей самоедов), вилки павловских кустарей, фаянсовые приспособления для уборных, но панно Врубеля, гениального русского художника, на выставку не было допущено.

Посетителям выставки предлагали подняться на привязном воздушном шаре.

— Благодарствую, — ответил за других какой-то остробородый старичок, мелкий торговец.

И осведомился:

— А если отвязать пузырь этот, может он до бога взлететь? Не может? Ну, так на кой же пес в небе-то болтаться?

Газеты были заполнены описаниями выставки. Украшенные деревянной резьбой терема, владимирские пастухи и павловские вилки — все это, по мнению журналистов, говорило о великой силе российского государства.

Со статьями о выставке выступил и Горький.

Теперь он писал уже не о самарской конке и городском саде, а о том, что привлекало внимание всей страны.

Статьи Горького прозвучали сурово.

Описывая павильоны нефти, золота, кожи и мыла, он

вспоминал о том, как живут те люди, которые своими руками добывают из земли нефть, промывают золото, дубят кожи и варят мыло.

О жизни этих людей Горький знал многое по собственному жизненному опыту, и в своих статьях он правдиво рассказывал об этом читателю.

Одновременно со статьями о выставке появились новые рассказы Горького: «В степи», «Коновалов», «Бывшие люди». Повествуя о босяках и бездомных скитальцах, писатель в дни нижегородских торжеств как бы напоминал заполнявшей выставочные павильоны публике о том, что где-то рядом с ней существуют «бывшие люди» и вина за это падает на хозяев российской жизни.

**
*

В эту пору Горький заболел. Голодная, нищая юность, бездомная жизнь, тяжкий физический труд, пущенная из тульского револьвера пуля, наконец, напряженная писательская работа — все это не прошло бесследно. Горький боролся с «маленькой чахоткой», как называл он свою болезнь, и продолжал писать.

Но здоровье все ухудшалось. Многим казалось, что Горькому уже не выздороветь. Врачи послали его на юг. Он жил в Крыму и потом на Украине, в тихом селе Мануиловке.

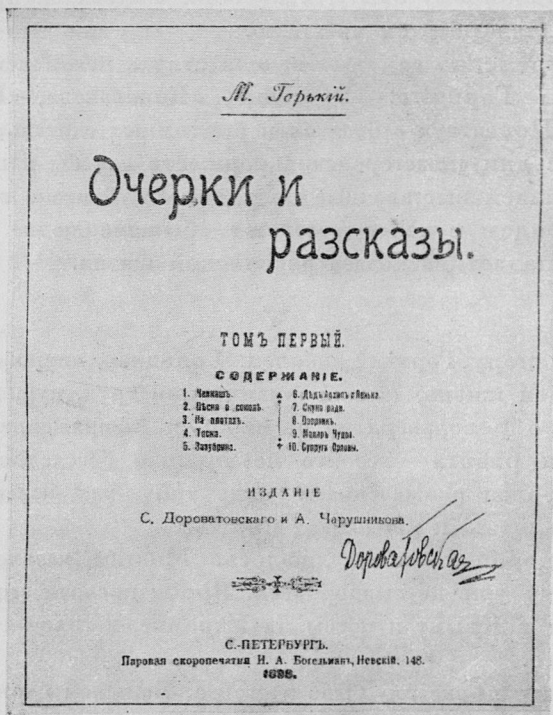
В Мануиловке ему было хорошо. Большой парк, семейство сычей на старой липе, полная огромных щук река, ночной бой часов на колокольне — все нравилось здесь Горькому.

Крым и Мануиловка спасли Горького. Он вернулся в Нижний — к жизни, к работе.

Свои рассказы и повести Горький собрал в отдельные две книжки. С трудом он нашел издателей, решившихся на рискованный шаг — выпустить книги писателя, кото-

рый до сих пор печатался только в провинциальных газетах.

И вот вышли эти два скромных томика, и внезапно вся читательская Россия заговорила о новом замечательном

Первый сборник рассказов М. Горького.

таланте. Быстро в десятках тысяч экземпляров разошлись книги Горького.

Тяжелую и беспощадную правду о русской жизни раскрывали горьковские рассказы. Горький ничего не утаивал. Но эту правду говорил не слабый, усталый, от-

чаявшийся писатель. Неистребимая вера в человека пропитывала каждую строку Горького. Читатель ощущал силу и бодрость в рассказах неизвестного до тех пор писателя.

Первые книги Горького принесли ему подлинную славу.

Новое писательское имя оказалось рядом с именами двух великих современников — Льва Толстого и Антона Чехова.

Глава IX

МЕТЕХСКИЙ ЗАМОК И НИЖЕГОРОДСКИЙ ОСТРОГ

«Двухглавый орел самодержавия был не только гербом государства, но птичкой весьма живой и злобно деятельной».

Горький, «Беседы о ремесле».

Известность Горького росла, и это все более тревожило царское правительство.

В молодом писателе власти угадывали своего непримиримого врага. Между правительством и писателем завязалась открытая борьба. Она длилась долгих двадцать лет...

В Тифлисе арестовали рабочего-революционера Афанасьева. При обыске у него нашли фотографическую карточку с автографом: «Дорогому Феде Афанасьеву на память о Максимыче».

Жандармам удалось выявить, кто такой Максимыч.

Горький был схвачен в Нижнем и отправлен в Тифлис. Здесь его посадили в Метехский замок — тюрьму для политических заключенных.

Он шагал по камере и пытался догадаться, за что посадили его в эту тюрьму. Из окна камеры видны были

серые зубы тюремных стен и коричневая вода реки Куры, дома с деревянными галлереями на берегу...

По коридору расхаживал надзиратель и звенел ключами. Рассердившись на что-нибудь, он кричал:

— Сиди десять лет!

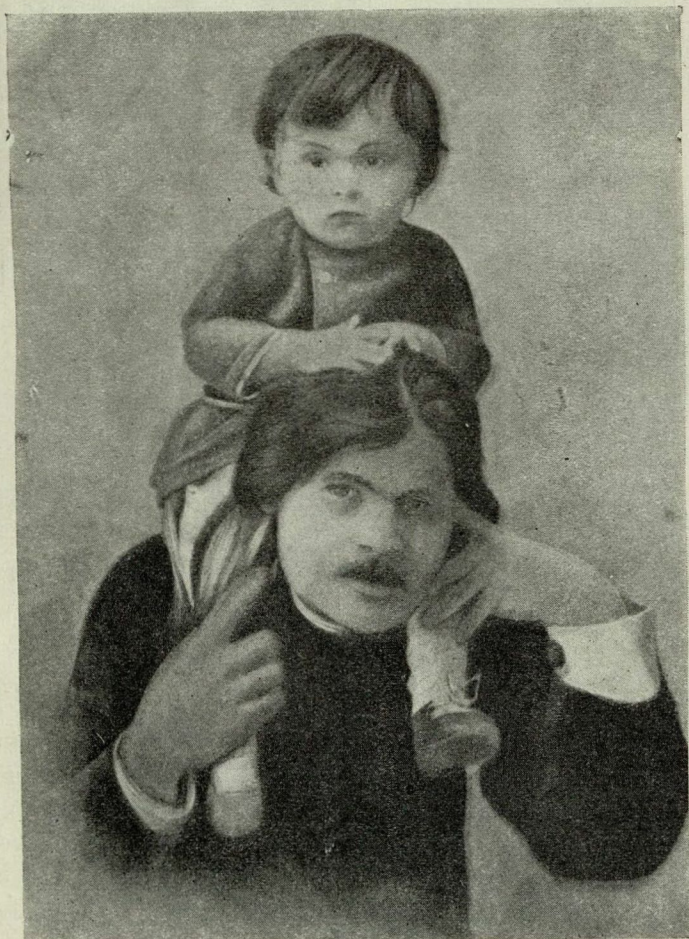
Может быть, желание надзирателя исполнилось бы, и Горькому пришлось бы долго сидеть в Метехском замке. Но доказать причастие Горького к делу Афанасьева жандармам не удалось.

Горький вернулся в Нижний. Теперь он уже находился под неотступным надзором полиции. Деревянный двухэтажный дом, где поселился писатель, всегда окружали странные личности. Одни из них, сидя на тумбе, делали вид, что наблюдают небо. Другие, прислонившись к фонарю, притворялись увлеченными чтением газеты. У подъезда стоял извозчик, тоже странный: он соглашался возить Горького и его гостей хотя бы бесплатно, но только их. И наблюдатели неба, и читатели газет, и извозчик были переодетыми сыщиками. Они пытались выследить каждый шаг писателя и его друзей.

Это было нелегко, ибо в дом к Горькому всегда приходило множество людей. В украшенном картинами Васнецова и Левитана кабинете писателя появлялись актеры, мастеровые, художники, иностранные путешественники, курсистки, купцы.

В одном письме из Нижнего Горький сообщал:

«Каждый день приходит много публики разного рода. Сей просит книгу, оный страдает склонностью к сочинению стихов... Приходит наборщик, только что вернувшийся из ссылки, потом вице-губернаторша приносит нелегальные брошюры, является швейка, состоящая под следствием, за ней генерал, командующий местной артиллерийской бригадой, с просьбой устроить для солдат спектакль. Купец Бугров зовет поговорить о боге,

М. Горький с сыном Максимом.

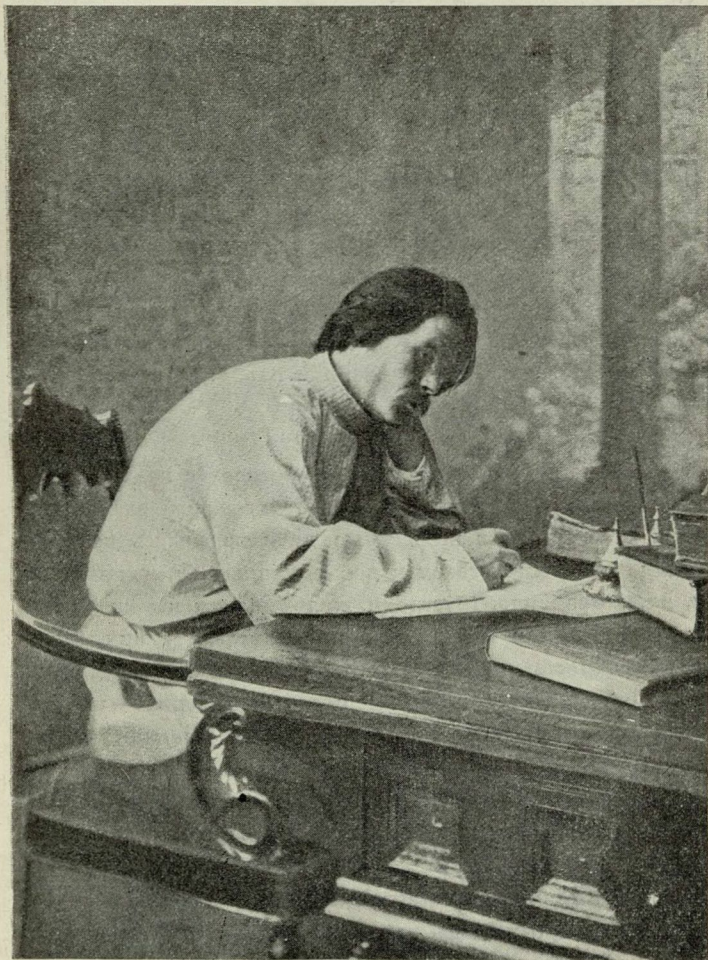
С фотографии, подаренной М. Горьким А. П. Чехову. «Спасибо, Антон Павлович, за карточку. Вот вам моя, с присовокуплением Максимки, моего сына, философского человека, полутора лет от роду. Это самая лучшая штука в моей жизни». (Из письма М. Горького А. П. Чехову от 1899 г.).

Л. Н. Толстой и М. Горький в Ясной Поляне. 1900 г.

председатель драм-кружка Шмеллинг — атлет, изгнавший меня в прошлом году из клуба за ненашивание сюртука, — просит излаять дам, которые его не слушаются. Я — ни от чего не отказываюсь. Наборщика вице-губернаторша устроит в губернской типографии, где он займется организацией кружка рабочих, деньги на книги им даст Бугров; барынь я с наслаждением всегда облаю, за что они помогут моей швейке организовать артельную мастерскую; спектакль генералу устрою, а он даст манеж под елку и музыку даром»¹.

¹ Из письма М. Горького Л. В. Средину. Печатается впервые.

М. Горький в 1899 г.

Елку эту устроил сам Горький для детей нижегородских бедняков. Он готовил маленьким людям большой праздник. Квартира Горького была завалена ящиками и коробками с угощениями для детей. Везде лежали куски материи — из нее спешно шились рубашки.

Горький с радостным лицом смотрел на эти приготовления.

Елка была большая, зеленая, с цветными электрическими лампочками.

Собралось полтысячи детей — целая армия грязных, нищих ребят. Особо выступал отряд беспризорных детей с Нижнего базара — «горьковский» отряд: он нес красное знамя.

С грустью наблюдал Горький детей:

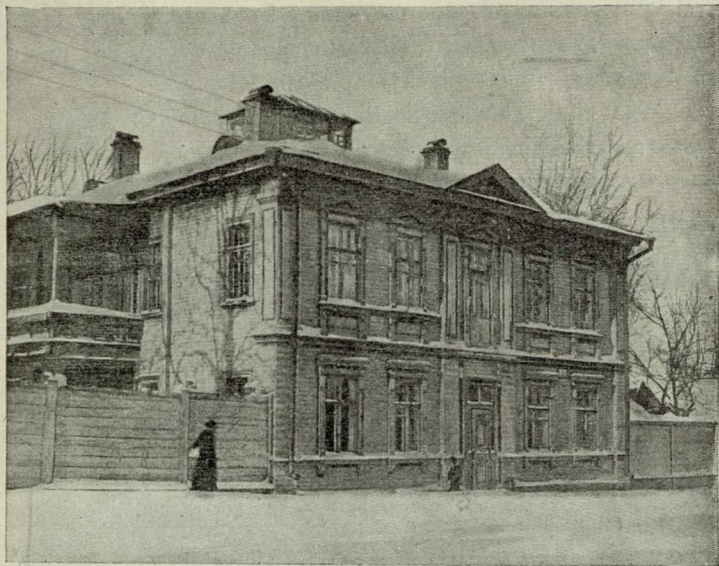
«Ошеломленные длинным рядом столов с подарками и видом елки, роскошно украшенной, горящей электрическими огнями — эти несчастные дети кружились по зале густым, пестрым потоком и все покашливали, покашливали, эдак особенно, грустно и жалобно, как изможденные старики. Ходили молча, степенно, а глаза у них были жадные, строгие, серьезные такие глаза. Нехорошо, знаете.

... Когда этим несчастным роздали подарки — по пирогу, мешку гостинцев в 1— $\frac{1}{2}$ ф., по сапогам, рубашке, платью, кофте, шапке, платку — вы знаете — многие из них заревели от радости, иные куда-то*бросились бежать, прижимая к себе подарки, другие, усевшись на пол, тотчас же принялись есть»¹.

Задумал Горький и другое дело: из иллюстрированных журналов вырезывались картинки разного рода и из них составлялись альбомы для деревенских ребят.

— Ведь они ничего не видят, — говорил Горький. — А тут и города, и реки, далекие страны... Увидят замечательных людей, захотят узнать, что они сделали. Вот...

¹ Из письма М. Горького Л. В. Средину. Печатается впервые.

Нижний-Новгород. Дом, в котором жил и был арестован Горький в 1901 г.

Помнил Горький и о тех взрослых, которых именовали босяками.

В доме с колоннами, который известен был в городе под названием «Столбов», Горький устроил дневное пристанище для безработного и бездомного люда. Здесь была библиотека, стояло пианино, и босяки в «Столбах» чувствовали себя людьми.

Но не елка и не альбомы, и даже не «Столбы» заставляли полицию все пристальнее следить за Горьким. Он все чаще посещал Сормово — рабочее предместье Нижнего, где находились большие заводы.

На секретных собраниях здесь читали социал-демократическую газету «Искра», в которой писал Ленин. Газета печаталась на тонкой рисовой бумаге — в случае внезапного налета полиции весь номер можно было проглотить...

И сормовские рабочие посещали Горького, к нему шли за советом, книжкой и деньгами, которые Горький щедро давал на революционную работу.

В 1901 году Горький поехал в Петербург. Он был там свидетелем беспощадной расправы полиции с участниками революционной демонстрации студентов. Горький выступил со статьей, в которой смело нападал на правительство — виновника этой расправы. А в своем «Буревестнике», написанном под впечатлением этих событий, Горький воскликнул:

«Буря! Скоро грянет буря!»

Строки этой песни повторяла наизусть вся страна.

Уезжая из Петербурга, Горький тайно отправил нижегородским друзьям мимеограф — аппарат, заменявший революционерам печатный станок...

О мимеографе каким-то образом узнала охранка.

Горький очутился в нижегородской тюрьме, в башне № 4. Ему предъявили обвинение в бунте против верховной власти.

Содержали Горького, как опасного преступника, вся переписка с ним перехватывалась.

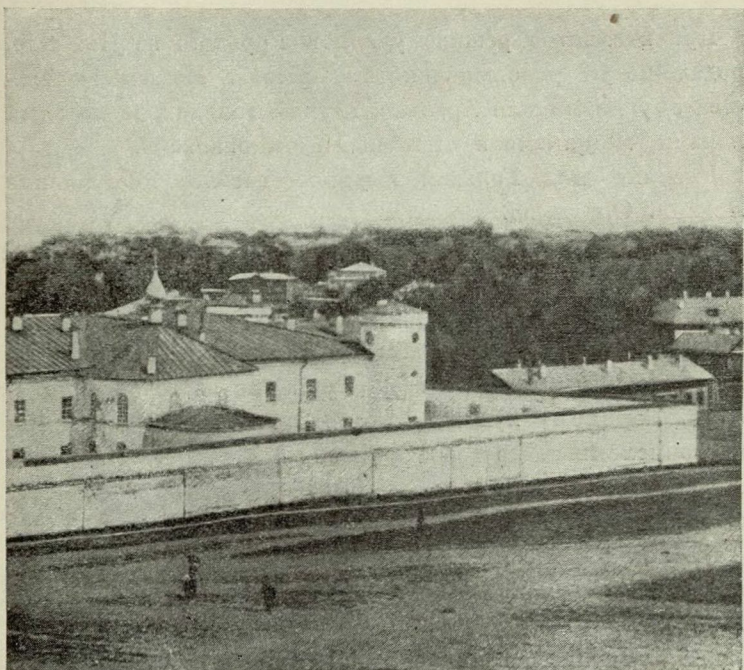
Арест и заключение Горького вызвали сильнейшее возбуждение. По всей России прокатилась волна протестов. На защиту брошенного в тюрьму больного писателя выступил Лев Толстой.

Правительству пришлось уступить. Тюрьма была заменена Горькому домашним арестом. Теперь у него в прихожей и на кухне сидели полицейские.

Один из них непрестанно заглядывал в кабинет и заводил с Алексеем Максимовичем ученые разговоры.

Горький снова принялся за работу, часто писал по ночам. Это возбуждало величайшую подозрительность полицейских.

— По ночам они и действуют, — сообщали они.

Нижегородская тюрьма.

Однажды Горький встретил на улице купца Бугрова.

— Это зря! — сказал он Горькому. — Ваше дело рассказывать, а не развязывать.... Революция — развязка всех узлов....

Бугров не ошибся. Горький не только рассказывал, но и «развязывал». Все теснее сближался он с революционерами, оказывал все большую поддержку сормовским рабочим.

Полицейские и сыщики оказывались бессильными...

«Влияние его среди рабочих вообще может выражаться в форме, весьма нежелательной», доносили в Петербург нижегородские жандармы.

Правительство решило удалить Горького из Нижнего, подалее от революционного Сормова. Местом жительства ему назначили Арзамас, глухой городок, заселенный попами, мещанами и отставными чиновниками.

Насилие над Горьким вызвало гневное выступление Ленина. Он писал:

«Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия».

Сидение в нижегородском остроге обострило болезнь Горького. Врачи нашли его положение снова очень опасным. Горькому нужен был опять юг, и под давлением многочисленных друзей Горького, в том числе и Льва Толстого, власти разрешили писателю на несколько месяцев выезд в Крым.

Проводы Горького в Крым превратились в бурную революционную демонстрацию. Задолго до отхода поезда, с которым отправлялся Горький, вокзал был переполнен студентами и рабочими.

С пением революционных песен сопровождала толпа своего любимого писателя до вагона.

Охранники поспешили поскорее отправить поезд. Два жандарма стали у входа в вагон...

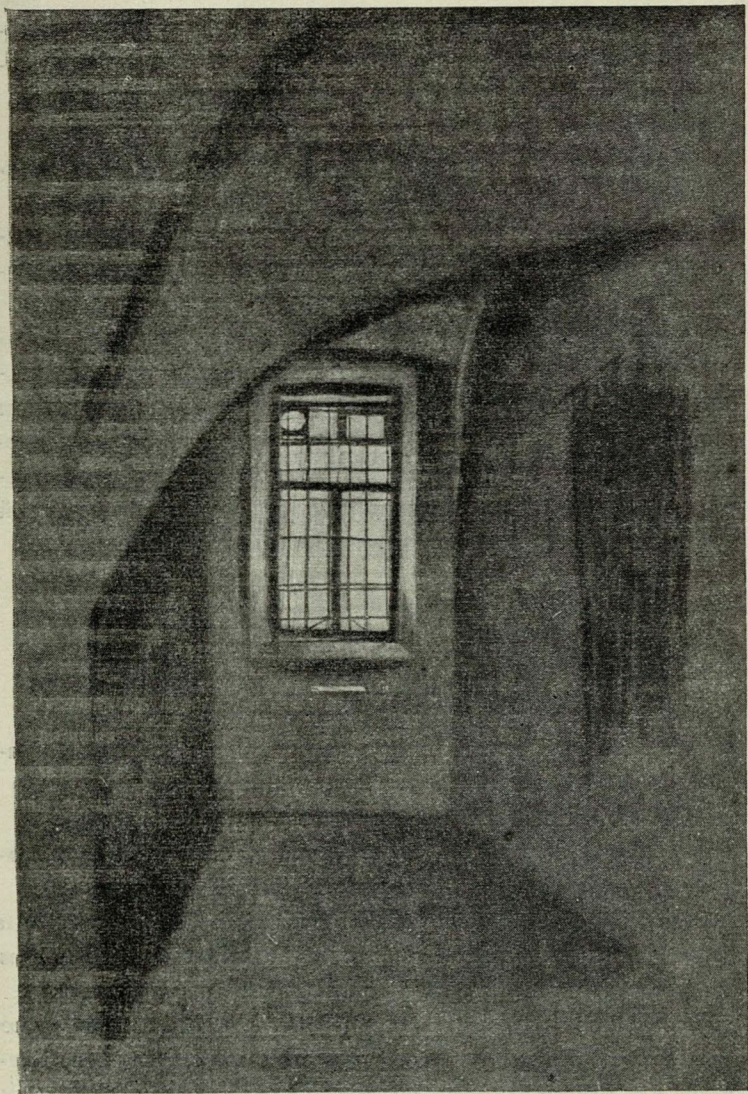
Поезд тронулся под крики:

— Да здравствует Максим Горький! Долой насилие!

**
*

В дни жизни Горького в Крыму произошел знаменитый «академический инцидент», снова показавший степень ненависти официальной России к автору «Буревестника».

В 1902 году Академия наук избрала Горького своим почетным членом. Выборы Горького, пролетария и революционера, человека, побывавшего уже дважды в тюрь-

*Камера нижегородской тюрьмы, в которую был заключен М. Горький
в 1901 г.*

мах, возмутили правительственные круги. О выборах доложили царю. На газетной вырезке с сообщением об избрании Горького Николай II сделал пометку:

«Более чем оригинально».

А в письме к министру народного просвещения царь писал:

«... Такого человека, в теперешнее смутное время, Академия наук позволяет себе избрать в свою среду. Я глубоко возмущен этим».

Этого было достаточно, чтобы избрание Горького было объявлено недействительным. Академия трусливо смолчала. Не смолчали только два писателя — Антон Чехов и Владимир Короленко. В знак протеста против исключения Горького они отказались от звания почетных академиков. Выступление Чехова и Короленко было открытой демонстрацией против царского произвола.

Глава X

СОЛОВЬИ И ШПИОНЫ

Арзамасский парикмахер называл себя «градским брадобреем».

Об Арзамасе он говорил так:

— В иных местах наводнения бывают, землетрясения — у нас ничего! Холеры — и той не было...

Когда-то Арзамас жестоко бунтовал, арзамасские люди убегали из-под царской власти к Степану Разину и Емельяну Пугачеву.

Беспокойные эти казаки, мордва, чуваша давно уже сгнили в могилах, давно заросло травой древнее арзамасское кладбище. Память об арзамасских бунтах и казнях заглохла. Арзамас превратился в город купцов и монашек, казался тихим, надежным, истовым. Он торговал

Дом в Арзамасе, где жил М. Горький. Под окном — поставленный надзирать за М. Горьким полицейский.

заячьими шкурками и салом, бил в колокола пяти монастырей и тридцати шести церквей, слушал крик лягушек, читал «Епархиальные ведомости», боялся воров, на ночь плотно закрывал ставни своих домиков...

Все же власти опасались, что и в этом городе приезд Максима Горького может вызвать волнения. Полицейский надзиратель в Арзамасе получил следующую секретную бумагу:

«В город Арзамас в скором времени прибудет на жительство состоящий под гласным надзором Алексей Максимович Пешков (М. Горький).

По прибытии в город Арзамас поручаю вам подчинить его гласному надзору и принять все меры к тому, чтобы при встрече Пешкова не было никаких беспорядков».

Горький поселился в просторном деревянном доме. При доме был сад, где росла старая липа.

Еще только миновала весна. После Крыма с его словно жестяной зеленью в Арзамасе Горького радовало каждое дерево.

Он уходил в лес, к Мокрому оврагу.

— Вот эта одна, — говорил он, обнимая березку, — лучше целого крымского пейзажа.

Нравилась ему и зеленая равнина вокруг города и река Теша, полная окуней и щурят...

Полиция взяла дом под строжайшее наблюдение. Вот что сообщал Горький в письме к Чехову:

«Тихо здесь, спокойно, воздух хороший, множество садов, в садах поют соловьи, и прячутся под кустами шпионы. Соловьи во всех садах, а шпионы, кажется, только в моем. Сидят во тьме ночной под окнами и стараются усмотреть, как я крамолу пущаю по России, — а не видя сего — покряхтывают и пугают домашних моих».

Каждый шаг Горького вызывал величайшее подозрение. Если Горький давал нищему серебряную монету, полицейский отбирал ее у нищего и пробовал на зуб, не фальшивые ли деньги раздает поднадзорный Пешков.

Иногда Горький подходил к окну и подзывал одного из шпионов. Происходил такой разговор:

— Шпион?

— Нет!

— Врешь, шпион?

— Ей-богу, нет!

— А давно служишь по этой части?

— Нет, недавно...

Появлялось изредка у дома Горького и важное арзамасское начальство — пристав Данилов. Толстый, с большой трубкой в зубах, он подъезжал верхом на коне и зорко всматривался в нутро дома. Видимо, был твердо

Иллюстрация худ. Н. Н. Куприянова к повести М. Горького «Городок Окуров».

убежден, что если Горький делает в России революцию, то он, пристав Данилов, сразу это заметит и пресечет.

Пристав Данилов ошибался. Несмотря на полицейского под окном и шпионов в кустах, Горький и в Арзамасе продолжал революционную борьбу.

Не одни попы, купцы и мелкие чиновники населяли Арзамас. Здесь жили и другие люди — рабочие небольших кожевенных заводиков, сапожники и скорняки. Об этих скорняках и сапожниках Ленин в одном из своих сочинений писал, что работают они на хозяев по четырнадцать часов в сутки, а получают несколько рублей в месяц.

«Поэтому-то скорняки,—замечал Ленин,—народ бледнолицый, слабосильный, вырождающийся».

Эти «бледнолицые» люди простого звания шли к Горькому, пробивались через полицейских и шпионов.

В пору жизни в Арзамасе Горький принял участие в осуществлении смелого революционного предприятия.

Близ Арзамаса находился Понетаевский монастырь, одно из гнезд контрреволюции. Рядом с монастырем была казенная винная лавка. Нижегородские революционеры вместе с Горьким решили «овладеть» лавкой. В самом деле, кто вздумает искать революционеров в казенной лавке, в глухом уездном углу, да еще рядом с монастырем?

План был осуществлен: сидельцем лавки удалось устроить столяра Лебедева, активного нижегородского революционера. Столяр отпускал в лавке водку обитателям монастыря и стекавшемуся на богомолье люду, а в комнате позади лавки находилась тайная типография революционеров. Напечатанные в казенной лавке прокламации распространялись по всей губернии.

Едва ли властям скоро удалось бы раскрыть тайну казенной лавки в Понетаевке. Но произошла случайность:

М. Горький играет в городки. Публикуется впервые. (Государственный литературный музей.)

лавку обокрали громилы. Об этом стало известно полиции. Каждую минуту можно было ждать прибытия на место происшествия властей. К счастью, когда полиция явилась в лавку для производства следствия, она не нашла там ни типографии, ни сидельца. Типография была спасена, тайна Понетаевки не раскрыта.

Приставу Данилову доносили, что в окне кабинета Горького свет горит всю ночь. Это не нравилось приставу:

— Поднадзорный мало спит, по ночам в квартире работает.

Горький писал много, и работа увлекала его.

Он писал пьесу для театра, о котором как-то в письме к Чехову заметил, что не любить его невозможно, а не работать для него — преступно.

Глава XI

НА СЦЕНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

В старых московских театрах, в Малом или у Корша, красный с золотом занавес взвивался под шумные звуки оркестра, как в опере. Актеры кричали, стучали ногами и любили роли, в которых можно было часто стрелять из револьвера. В зрительном зале шуршали юбками и звенели шпорами, громко разговаривали, хлопали в ладоши или шикали.

В недавно открывшемся театре умели ценить тишину. Скромный занавес не поднимался, а медленно раздвигался, точно раскрывалась книга. Люди на сцене старались не простирать рук, иногда любили помолчать, вместе с зрителями прислушиваясь к мягкому шуму дождя, пению утренних птиц, стуку уезжающего экипажа и бою часов.

Исполнители на вызовы не выходили, и зрители не аплодировали.

А. П. Чехов и М. Горький в Ялте. 1900 г.

Играли в этом театре молодые артисты и любители. Одним из лучших актеров был учитель чистописания.

Люди, глубоко чувствовавшие новое искусство, создавали Художественный театр.

В один из своих приездов в Москву Горький пошел в этот театр. Ставили пьесу Чехова «Дядя Ваня».

Горький смотрел, как дядя Ваня сидит за счетами, как Вафля тихонько перебирает струны гитары, как смотрит доктор Астров на висящую почему-то в комнате карту Африки, как профессору Серебрякову не хочется, чтобы играли на рояле, — смотрел на обыкновенную человеческую жизнь и, по собственному признанию, «плакал, как баба».

Из театра, в котором так любили тишину, Горький вернулся домой оглушенным.

Он послал Чехову письмо, и оно было одним из самых взволнованных писем Горького:

«Не скажешь хорошо и ясно того, что вызывает эта пьеса в душе, но я чувствовал, глядя на ее героев, как будто меня перепиливают тупой пилой. Ходят зубы ее прямо по сердцу, и сердце сжимается под ними, стонет, рвется. Для меня—это страшная вещь, вот «Дядя Ваня», это совершенно новый вид драматического искусства.

В последнем акте «Вани», когда доктор после долгой паузы говорит о жаре в Африке, я задрожал от восхищения перед вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную нищенскую жизнь».

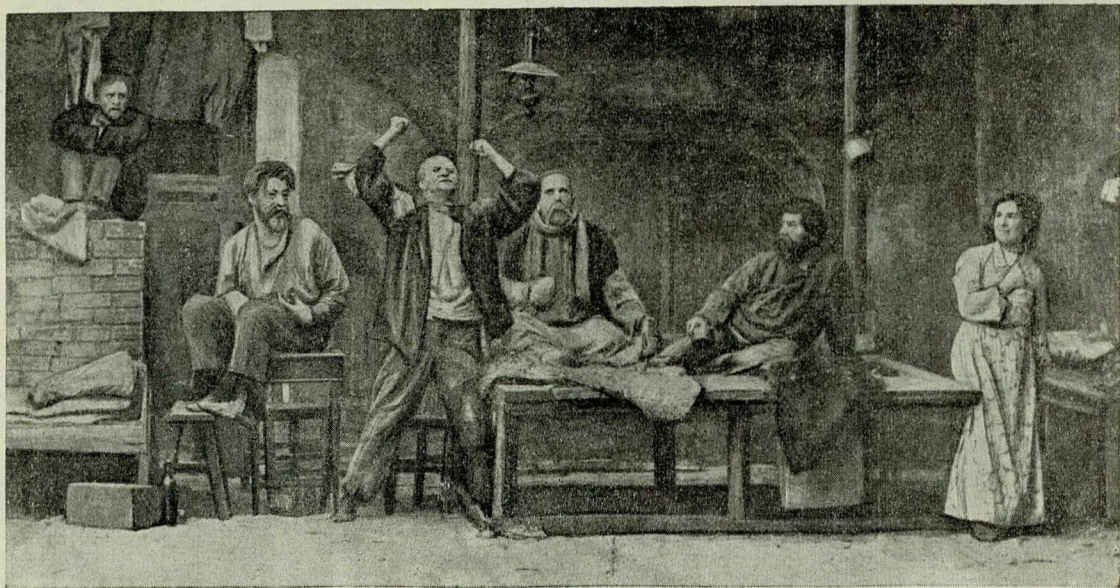
Горький пожалел, что живет в Нижнем, где нельзя было ходить в этот чудесный театр.

Потом они встретились в Крыму — Горький и Художественный театр. Они приехали в Ялту к тому, кто написал «Дядю Ваню», — Чехову.

Была весна. В саду белой чеховской дачи цвели посаженные писателем кусты...

Чехов и Горький ходили по каменистым улицам, по белой ялтинской набережной, а вечером шли в неудобный театр, где художественники показывали любимому драматургу свои спектакли.

Чехов убеждал Горького писать пьесу. И Художественный театр ждал ее от Горького.

«На дне» в постановке Московского художественного театра. 1-й акт.

Теперь, в Арзамасе, Горький приступил к этой новой для себя работе. Он писал свою первую пьесу «Мещане» — о тягостной жизни семьи Бессеменовых.

Пьеса давалась Горькому трудно. Драматическая форма была для него непривычной. Он писал, переправлял и вспоминал шуточный совет одного литератора: написать пятиактную трагедию, через год перестроить ее в трехактную драму, сию еще через год — в одноактный водевиль, засим, тоже через год, водевиль сжечь...

«Мещане» не были уничтожены Горьким. Все же он остался ими недоволен. Ему казалось, что пьеса вышла суетливой и скучной.

«Не нравится она мне, — признавался Горький в письме к Чехову. — Непременно зимой же буду писать другую. А эта не удастся — десять напишу, добьюсь, чего хочу! Чтобы стройно и красиво было, как музыка».

В пьесах Чехова на сцене Художественного театра звучала эта музыка — музыка простой человеческой речи. О ней вспоминал Горький, принимаясь за новую пьесу.

В «Мещанах» он описывал знакомых ему с детства людей, которые жили в домиках, тесно набитых горшками, самоварами, иконами и сундучками.

В новой пьесе Горький обратился к босякам, обитателям нижегородской Миллионки и «Стеклянного завода» в Казани.

Еще в Крыму, сидя как-то вечером в темноте на террасе, Горький мечтал вслух о будущей пьесе. Он рассказывал, что главным действующим лицом явится лакей из богатого дома, попавший в ночлежку и уж не выбравшийся оттуда. Больше всего он берег воротничок от фрачной рубашки — единственное, что связывало его с прежней жизнью. В ночлежке было тесно, обитатели ее ненавидели друг друга. Но в последнем акте наступала весна, сцена заполнялась солнечным светом, ночлежники вы-

*«На дне» в постановке Московского художественного театра.
А. Л. Вишневский в роли татарина.*

бирались из своего смрадного жилья, забывали о ненависти...

Так рисовались Горькому первые контуры пьесы, которую он первоначально назвал «На дне жизни».

С героями своей пьесы Горький сталкивался на базарах, больших дорогах и пристанях, валялся с ними на нарах, сидел у ночного костра... Образ Сатина, например, был навеян писателю одним бывшим почтовым чиновником, которому пришлось побывать на каторге. Он ходил с распахнутой голой грудью по улицам Нижнего и на французском языке просил милостыню у дам. У него был живописный, романтический вид, и дамы иногда давали ему пятак...

Когда пьеса «На дне» была закончена, в Художественном театре устроили чтение пьесы.

Читал сам Горький.

Когда он стал читать сцену, где Лука напутствует и утешает умирающую Анну, артисты затаили дыхание, и наступила тишина. Голос его задрожал и пресекся. Он остановился, замолчал, смахнул пальцем слезу. Попробовал продолжать, но через два слова опять замолчал и уже почти громко, откровенно заплакал...

Правительство с трудом допустило пьесы Горького на сцену. Цензура сделала на горьковских рукописях множество помарок. В «Мещанах» особое подозрение вызвала фраза: «жена купца Романова» — в ней цензору показались намек на царскую фамилию Романовых. Приказано было заменить Романова Ивановым...

В день генеральной репетиции «Мещан» театр был окружен отрядами полиции и конных жандармов. Казалось, предстоит не генеральная репетиция, а генеральное сражение. А на первых представлениях «Мещан» власти распорядились поставить вместо капельдинеров городских. Правительство опасалось, что в театр проникнет сту-

М. Горький с артистами Московского художественного театра, участниками спектакля «Мещане».

денческая молодежь и устроит демонстрацию в честь Горького...

«Когда человеку лежать на одном боку неудобно, он переворачивается на другой, а когда ему жить неудобно, он только жалуется. А ты сделай усилие — перевернись!»

Так говорил со сцены один из героев пьесы, железнодорожный рабочий Нил.

Публика отвечала на эти слова бешеными аплодисментами.

Еще более горячий отклик рождала в зрительном зале вторая пьеса Горького — «На дне».

«Ложь — религия рабов и хозяев» — эту фразу Сатина цензор запретил произносить со сцены. Но вытравить внутренний смысл пьесы цензору не удалось. Каждая ее строка была пропитана гневным протестом против того порядка, при котором бесчисленное множество людей теряет право жизни.

Жизнь, допускающая унижение людей до степени превращения их в бывших людей, в обитателей ночлежки Костылева, есть ложь, и эта ложь должна быть уничтожена. Так поняли скрытый замысел пьесы зрители галерки — студенческая молодежь.

Первый спектакль «На дне» превратился в бурное чествование Горького. Без конца вызывала публика автора. Он выходил на сцену с растерянной улыбкой, забыв от смущения вынуть папиросу изо рта...

Нечто более значительное, чем театральный успех, ощущалось в этом чествовании.

Глава XII

ТРИ РЕВОЛЮЦИИ

9 ЯНВАРЯ

«Всегда надо стрелять, всегда стреляйте, генерал!»

Николай II в разговоре с генералом Казбеком, комендантом Владивостока.

Буря, которую предвещал «Буревестник», наконец, разразилась. Наступил 1905 год. В тот год кровь лилась перед темным дворцом царя и на незнакомой земле Манчжурии, во дворах полицейского участка и на занесенных снегом полустанках, среди глухих московских улиц и на голубых палубах военных кораблей.

Революционные события вспыхнули в первые же дни этого года. 9 января Гапон, поп, служивший в царской охранке и мечтавший о великой карьере, повел толпы петербургских рабочих к Зимнему дворцу. Рабочие несли петицию, чтобы передать царю. В ней говорилось:

«Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старые родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

... Нет больше сил, государь. Настал предел терпения. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

К царю шло двести тысяч человек — шел отчаявшийся и обманутый народ. В нем еще тлела вера в то, что в Зимнем дворце можно найти защиту от притеснителей.

О предстоящем шествии правительство знало заранее, знал об этом и царь. Войска были приведены в боевую готовность. Родственники царя, великий князь Владимир, говорил во дворце, что только кровь народа может спасти династию. Ему было поручено командование войсками.

В этот день Горький был на улице среди толп рабочих. Он слышал, как гнусно пропела труба горниста и как по этому сигналу начались расстрелы.

То был день ужаса «жгучего, как промерзшее железо».

Но не одним ужасом была охвачена толпа. Горький слышал, как народ кричал своим убийцам:

— Вы думали, народ убиваете?

— Народ не убьешь! Его на все хватит...

— Вы царя убили, понимаете?

Утром 9 января рабочие верили еще, что у царя они смогут найти защиту, и в своих руках держали петицию. В полдень этого дня они уже бросились к оружию и, не находя его, хватались за кирпичи и камни. Скрылся Гапон, просители превратились в бойцов, и 9 января стало первым днем первой русской революции.

Домой Горький вернулся потрясенный и тотчас написал воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств».

То, что произошло на улицах Петербурга, он называл предумышленным убийством и смело называл имя главного палача — имя царя.

Горький призывал к открытой борьбе за свержение самодержавия.

Воззвание попало в руки полиции.

Охранникам уже был хорошо знаком почерк писателя-революционера. Через два дня после 9 января Горького арестовали. Он очутился в Петропавловской крепости — тюрьме, куда правительство бросало важнейших политических преступников.

После долгих ходатайств Горькому выдали «принадлежности для литературных занятий». Он принялся в каземате за работу над пьесой «Дети солнца». На пьесу легли тревожные тени 9 января. Один из персонажей говорит:

Расстрел демонстрации рабочих у Зимнего дворца в Петербурге 9 января 1905 г.

«Когда я слышу что-нибудь грубое, резкое, когда я вижу красное, в моей душе воскресает тоскливый ужас, и тотчас же перед глазами встает эта озверевшая толпа, окровавленные лица, лужи теплой красной крови на песке...»

Но сам Горький не терял бодрости. В пьесу он внес комические сценки. И когда писал их, громко смеялся. Стражники слышали смех заключенного и в тревожном недоумении вызывали коменданта крепости...

Когда за несколько лет до этого Горький был посажен в нижегородский острог, волна протестов прокатилась по всей России. Теперь на защиту писателя поднялась вся Европа. «Горький принадлежит не только России, но и всему миру», — заявил на митинге в Париже знаменитый французский писатель Анатоль Франс.

В Петербург неслись протесты из Германии и Португалии, Италии и Бельгии. Свободы Максиму Горькому требовали физик Пьер Кюри и скульптор Огюст Родэн, социалистический вождь Жан Жорес и художник Клод Моне — великие зарубежные друзья человека, которого русские власти с тупым упорством продолжали именовать «мещанином города Нижний-Новгород».

— Арестом вашим Европа обеспокоена, — сказал Горькому на допросе в крепости жандармский офицер — старый знакомый. Семь лет назад этот же офицер допрашивал Горького в Метехском замке...

И снова — уже в третий раз — правительству пришлось уступить. Горький был выпущен.

Вероятно, он не долго выдержал бы сидение в тюрьме, где камень словно съедал людей. После месячного заключения Горький вновь харкал кровью.

День, названный народом кровавым воскресеньем, не был забыт. Рабочие готовились к вооруженной борьбе, к восстанию. Оно вспыхнуло в конце года.

из квартиры Горького: охранявшая писателя дружина студентов-кавказцев устраивала в комнатах учебную стрельбу.

Горький был свидетелем того, как рабочие строили баррикады, как отряды солдат осыпали свинцом улицы, как пушки громили Пресню.

Восстание было подавлено, но не была подавлена революция.

По всей России ходили переписанные на машинке листки — письмо Горького к рабочим. В этом письме говорилось:

«Пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально.

... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верящий в свое будущее в России. Я говорю правду, и эта правда будет подтверждена честным и бескорыстным историком».

В 1905 году, накануне восстания в Москве, Горький познакомился с Лениным.

Правда, с которой обращался Горький к русскому народу, была той правдой, которую говорил о революции и Ленин.

И эту правду история подтвердила быстрее, чем полагали самые честные из историков.

**
*

Друзья предупредили Горького о предстоящем аресте. Он уехал за границу — в Германию и Францию, а оттуда в Америку.

В Нью-Йорке Горький выступил с речами на митингах и со статьями в газетах. Горький агитировал против царского правительства и призывал мировое обществен-

ван ихъ наліво и направо на чьи-то быстрые, жадныя ру-
ки.

- За что судили сына моего и встѣхъ, кто съ ними -
вы знаете? Я вамъ скажу, а вы чъ подтвердите сердцу матери,
сидѣть волосамъ ея - вчера людей за то судили, что они
несутъ вамъ, встѣхъ людямъ, честную, святую правду! #

Толпа удивленно замочала и молча росла, стано-
ваясь все болѣе плотно, олитно, окружая женщину кольцомъ
живого тѣла.

- Бѣдность, голодь и болѣзни, вотъ, что дастъ людямъ
наша работа. На веревство я на развратъ толкаете насъ
этотъ порядокъ жизни.

Все противъ насъ - мы издаваемъ всю нашу жизнь день а
за днемъ въ работѣ, всегда въ грязь, въ обманѣ, а нашими
труднами гнѣются и обзѣдаются другіе... и держатъ насъ,
какъ собакъ на цѣпи, въ нечестности, - мы ничего не зна-
емъ въ страхѣ - мы всего боимся. Ночь - наша жизнь,
темная ночь! Стояли мы съ вами ~~и вы не говорили намъ~~
~~ничего, а мы ждали, ждали, ждали...~~ Развѣ не такъ?

- Такъ! - глухо раздавалось въ отвѣтъ.

- Заткни глотку ей!

Сзади толпы мать заметила шпиона и двукъ жи-
дѣрновой и она торопилась одѣть послѣднія пачки, но
когда руки ея опустились въ чемоданъ, тамъ она встрѣ-
тила чьи-то чужую руку.

Вѣра узнала, что
это правда эта - не
последняя... никто
не можетъ спорить
съ нею, никто!

ное мнение помешать предоставлению иностранными банкирами займа царю. Заем этот пошел бы на подавление революционного движения в России.

В Америке, в окруженном зеленью деревянном домике в Адирондакских горах, Горький приступает к работе над романом «Мать». Своих героев Горький взял из среды рабочих Сормова.

Образы Павла Власова и его матери, Ниловны, были навеяны Горькому людьми, которые существовали в действительности и которых он хорошо знал. Это был революционер-рабочий Петр Заломов, осужденный царским судом за участие в первомайской демонстрации сормовских рабочих; мать его работала в революционной организации: переодетая странницей, она развозила по краю революционную литературу.

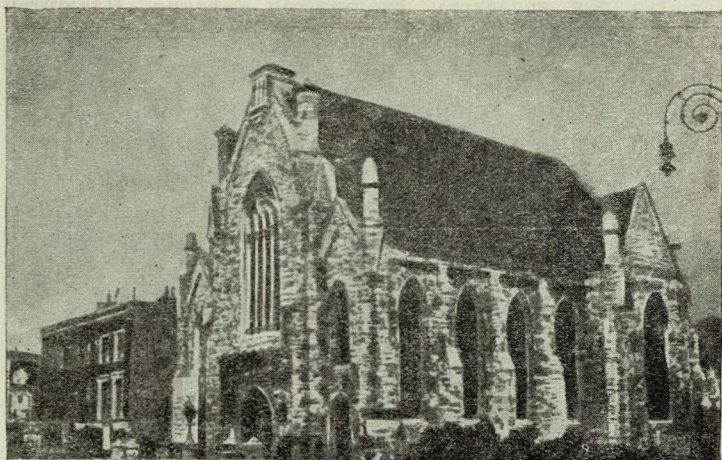
Эта замечательная женщина не была исключением. Горький знал мать революционеров Кадомцевых, судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму сыну бомбы, которыми была взорвана стена во время побега. Горький мог бы назвать с десятков имен матерей, судившихся вместе с детьми.

Некоторых из этих героических матерей Горький знал лично.

Царское правительство уловило громадное революционное значение романа. Журнал, в котором была напечатана первая часть «Матери», был конфискован, а вторую часть романа цензоры искромсали до неузнаваемости. Из произведения выбрасывались целые главы.

Самого Горького правительство решило предать суду.

В «Ведомостях петербургского градоначальства» появилось объявление, что «по обвинению Санкт-Петербургского окружного суда отыскивается нижегородский цеховой малярного цеха мастер Алексей Максимович Пешков».

Церковь в Лондоне, в помещении которой происходил V съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

К счастью, Горький был далеко.

После революционных выступлений за границей он не мог вернуться в Россию и поселился в Италии, на острове Капри.

В эти годы он сблизился с Лениным. Это произошло в 1907 году, на V съезде Российской социал-демократической партии в Лондоне, куда Горького пригласили вождем большевиков.

Каждый день старинная закрытая карета, похожая на те экипажи, в которых ездили герои Диккенса, везла Горького на окраину Лондона, к зданию деревянной церкви со стрельчатыми окнами, где происходил съезд, — другого, более подходящего, помещения снять не удалось.

Прислонившись к колонне, Горький часами присматривался к участникам съезда и прислушивался к страстным спорам между меньшевиками и большевиками.

«...Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл».

Так в воспоминаниях о Ленине передавал Горький свои впечатления о Владимире Ильиче на трибуне.

С этих дней началась личная дружба между Горьким и Лениным.

Владимир Ильич приезжал к Горькому на Капри. Здесь, отдыхая от напряженной своей работы, Ленин играл в шахматы, удил рыбу, ходил по каменным тропам, любовался золотыми цветами дрока... По вечерам Горький вспоминал о своих странствиях по России, и Ленин жадно слушал эти удивительные рассказы.

Рыбаки Капри полюбили гостя Горького. Когда Ленин уехал, они все спрашивали у Горького:

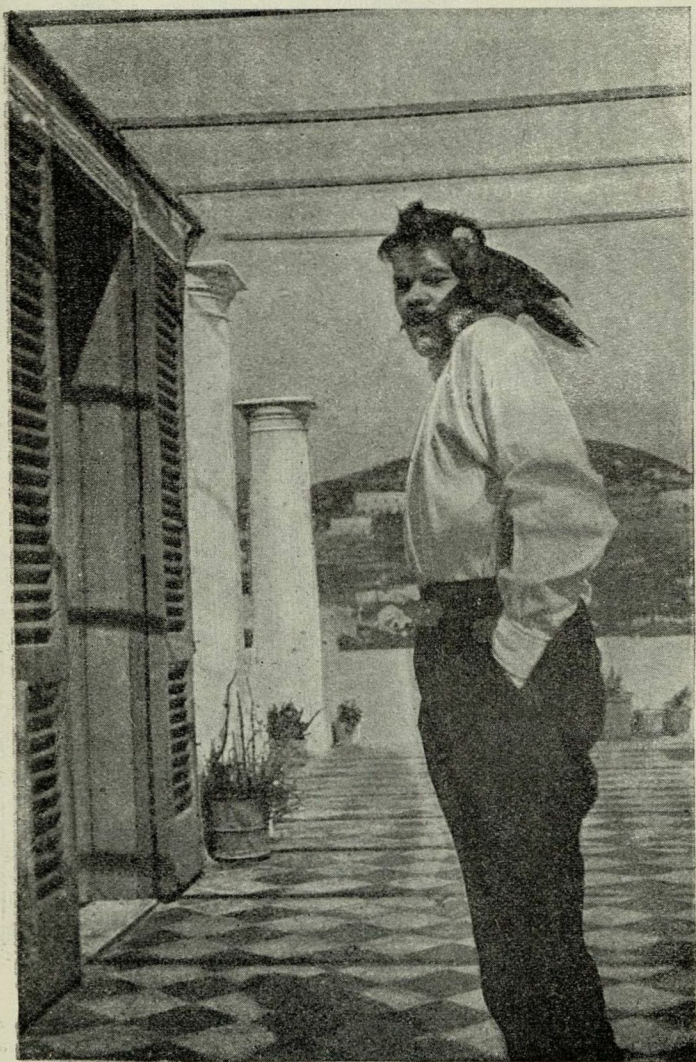
— Царь не схватит его, нет?

В письмах к Горькому Ленин проявлял глубоко дружеское участие — заботу об его писательском труде и тревогу о здоровье этого больного туберкулезом человека.

Ленин назвал Горького крупнейшим представителем пролетарского искусства.

«Нет сомнения, — писал Ленин, — что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению».

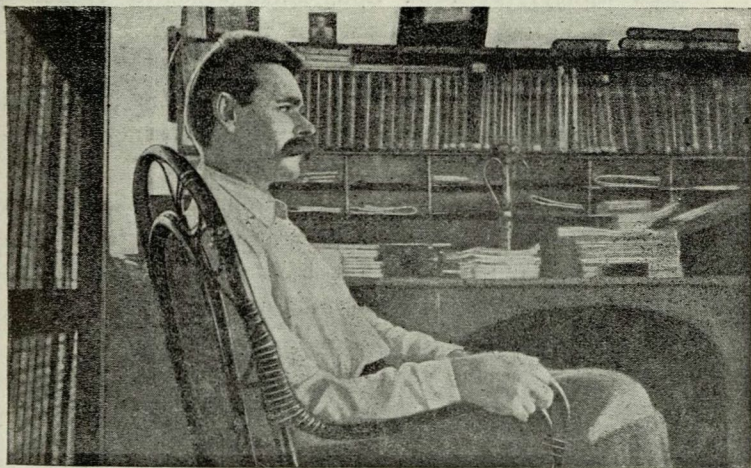
Когда в 1913 году царское правительство объявило политическую амнистию, Ленин посоветовал Горькому вернуться в Россию.

М. Горький на Капри. Публикуется впервые. (Государственный литературный музей).

руку. Своим талантом художника
Вы принесли рабочему дви-
жению России — да и не одной
России — такую громадную
пользу, Вы принесете еще
столько пользы, что ни в
каком случае не позволите
себе для Вас давать себя
во власть тяжелым настро-
ениям, вызванным эпизодами за-
граничной борьбы.

Автограф письма В. И. Ленина к М. Горькому: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае не позволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы...»

М. Горький, 1910 г.

Горький покинул Капри и переехал в Петербург.

Через год началась мировая война.

Пишущему эти строки довелось в эту эпоху увидеть Горького на собрании одного революционного студенческого кружка.

Горький говорил о войне, рассказывал о том, как на фронте два солдата — русский и немецкий — одновременно всадили штыки друг в друга и мертвые остались стоять, точно ружья, составленные в козла...

Два эти солдата, казалось, воплощали судьбу народов, обреченных на бессмысленное и позорное взаимное истребление.

С гримасой скорби говорил Горький о людях на фронте. Но скорбь сменилась гневом, когда он заговорил о людях в тылу — этих лавочниках, готовых любое, самое подлое, преступление возвести в национальный подвиг.

В одном из своих публичных выступлений Горький сказал:

— Мы присутствуем на празднике какой-то чудовищной свиньи, которая взбесилась и тупым рылом уничтожает весь мир.

Созданный Горьким журнал «Летопись» выступил против империалистической бойни. Здесь впервые появилась поэма Маяковского «Война и мир».

Маяковский еще был мало известен. Публика хотела видеть в нем только литературного скандалиста в желтой кофте и цилиндре. Но он был не скандалистом, а бунтарем и в своей поэме, по собственному выражению, «плюнул рифмами в лицо войне».

Зима 1916/17 года казалась долгой, бесконечной. В редакции «Летописи» говорили о волнениях на заводах и поражениях царской армии на фронте.

На одном редакционном собрании Горький сказал:

— Мы приближаемся к развязке.

Через неделю метавшийся между Петербургом и ставкой синий царский поезд был задержан на станции Дно, и Николай подписал акт об отречении. Был февраль 1917 года.

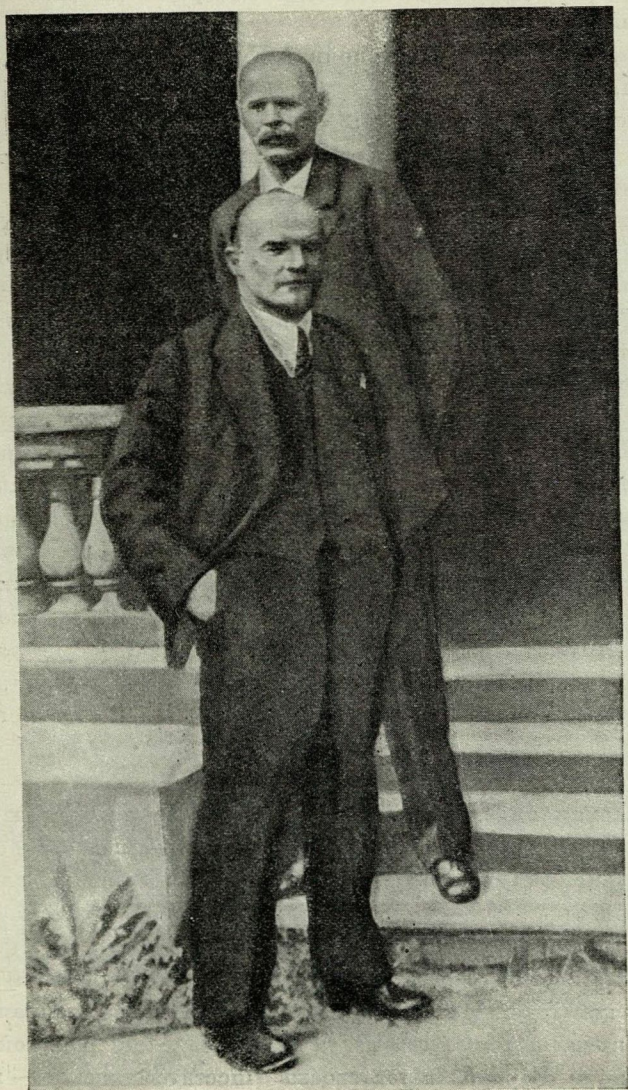
**

«В моей памяти, — вспоминает один из друзей Горького, В. Десницкий, — одна из первых после 1917 года встреч Горького с Лениным. Это было вскоре после покушения эсерки Каплан на жизнь Ленина. Владимир Ильич был оживлен, радостно потирая руки, улыбался Горькому, торопил его:

— Ну, ну! Рассказывайте, говорите, что вас огорчает...

Зашел посмотреть на «земляков» Яков Свердлов¹. Владимир Ильич спокойно рассказывал о покушении, с

¹ Я. Свердлов, так же как и М. Горький и автор воспоминаний В. Десницкий, жил в дореволюционные годы в Нижнем-Новгороде.

В. И. Ленин и М. Горький. 1920 г.

полным знанием дела излагал историю болезни, как прошла операция.

— На войне, как на войне! Еще не скоро она кончится...

Настойчиво угощал нас:

— Ешьте сыр; хлеб свежий, мягкий. Вишни ешьте, только что куплены, вымыты...

Угощение было весьма скромное. Гостеприимный хозяин не знал, что у него не было чаю, и я потихоньку сходил в канцелярию, где у одной из служащих, старой моей приятельницы, нижегородки, добыл чаю на заварку для председателя Совета народных комиссаров.

Горький сумрачно расспрашивал Владимира Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ощупывал шею, мускулы руки. Владимир Ильич стоял прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича. Казалось, что жесты Горького говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день...

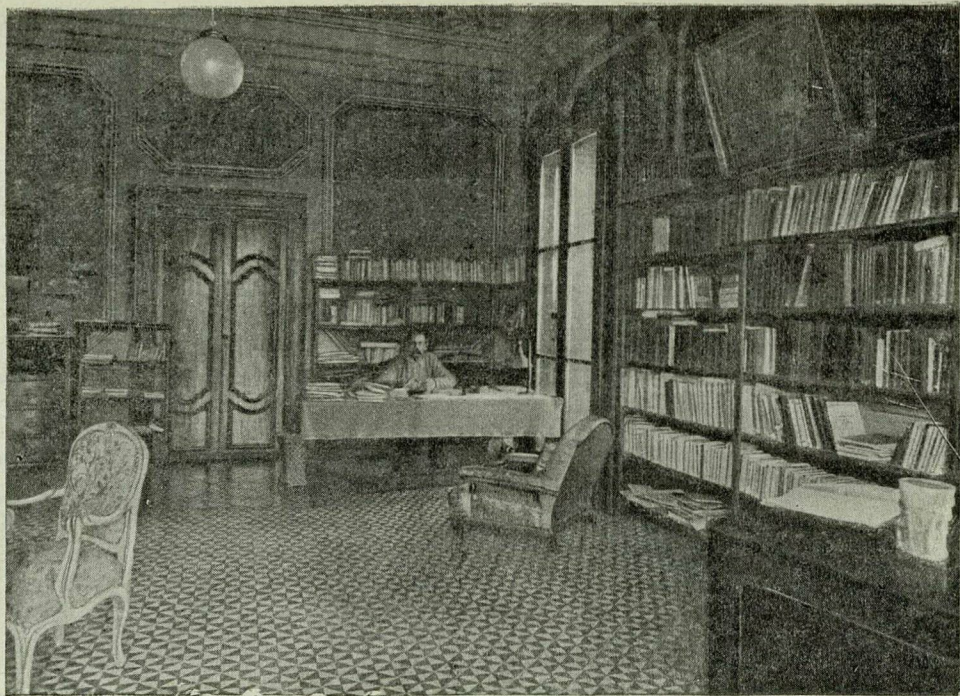
И он убедился».

И Ленин не оставлял своих забот о Горьком. Когда в 1921 году у Горького вновь обострилась давняя его болезнь, Ленин настоял на его отъезде за границу для лечения.

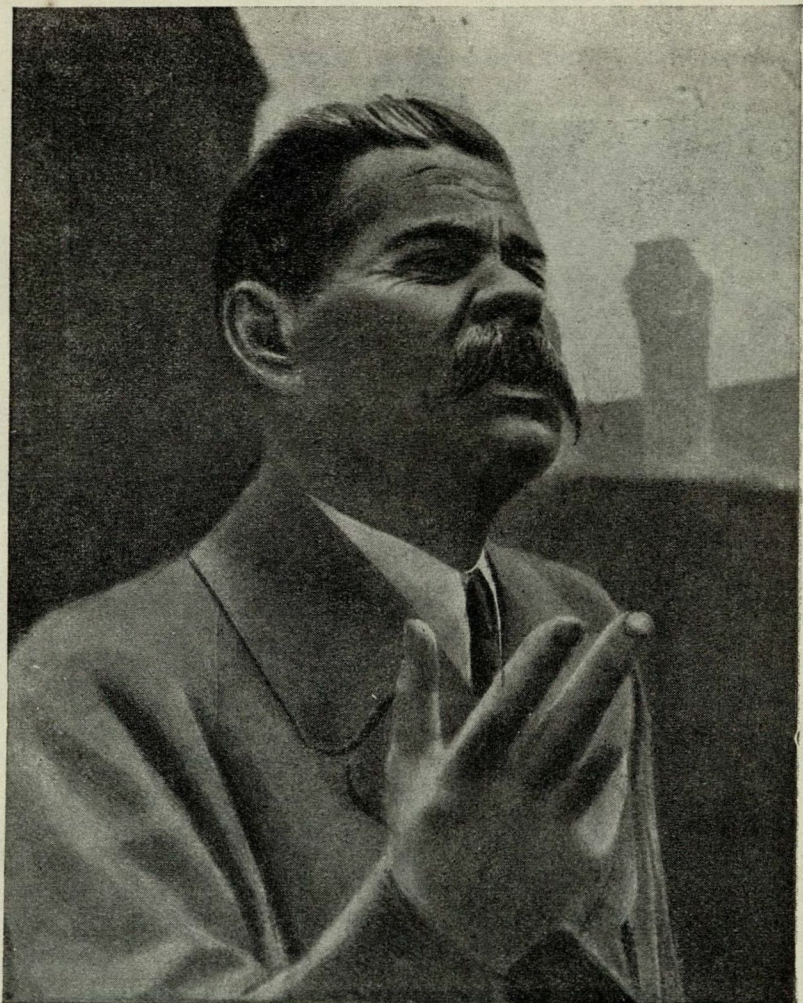
Горький поселился снова в Италии — в Сорренто.

Внимательно следил он за всем, что происходит в Советской стране, все крепче и многочисленнее становились нити, которые связывали писателя с его родиной.

И когда Горький в год своего шестидесятилетия — в

М. Горький в своем кабинете в Сорренто (Италия).

М. Горький выступает на собрании. 1932 г.

1928 году — приехал в СССР, страна встретила его как своего великого художника-революционера.

В 1932 году Советский Союз торжественно отпраздновал сорокалетие литературной деятельности Горького.

«Имя Максима Горького, — говорилось в приветствии ЦК ВКП(б), — дорого и близко трудящимся Советской страны и далеко за ее пределами, как имя величайшего художника-революционера, борца против царизма, против капитализма, за международную пролетарскую революцию, за освобождение трудящихся всех стран от ига капитализма».

Празднование юбилея Горького превратилось в продолжительное всенародное торжество. И когда на собрании в Большом театре от имени партии выступил товарищ Стецкий, он сказал:

«Владимир Ильич первый заявил, что Горький является величайшим авторитетом в области пролетарского искусства.

Ленина нет. Нет Ленина, которому А. М. Горький посвятил свои прекрасные страницы. Но жива наша партия, живо дело Ленина, люди, которых он вышестовал. И неудивительно, что теперь имя великого пролетарского писателя А. М. Горького сплетается с именем товарища Сталина, вождя пролетарской революции, в котором олицетворяется все лучшее, что есть у нас в партии!»

**
*

Близость с Лениным направила бунтарство Горького в революционное русло. Близость со Сталиным организовала работу Горького, его труд в последние годы жизни.

Вернувшись в СССР, Горький становится во главе литературной жизни нашей страны. Он основывает и редактирует несколько журналов, выдвигает мысль об издании «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны», руководит деятельностью Союза советских писателей.

Огромная эта работа поглощала у Горького много сил и времени, но он не оставлял и своей писательской работы. Он пишет продолжение романа «Клим Самгин», ряд статей, пьесы, из которых «Егор Булычов» входит в число наиболее значительных и ярких созданий Горького.

Болезнь, старая сорокалетняя болезнь Горького, нажитая в подвалах булочных заведений, на нарах ночлежек и в тюремных камерах, напоминала о себе, придавая каждому недомоганию опасный характер.

Но — хотелось жить:

— Еще четыре книги надо написать. Обязательно. Четыре книги, по два года. Восемь лет.

Так говорил Горький своим друзьям.

Но в июне 1936 года он заболел гриппом, и болезнь сразу приняла грозный оборот.

Удивительным больным был Горький.

Врачи, близкие, друзья, вся страна с тревогой следила за ходом болезни великого писателя. А он, этот старый человек, с легкими, которые едва вдыхали воздух, и с сердцем, которое едва толкало кровь, ни разу не пожаловался на свою болезнь. Он не прислушивался к своему тяжелому дыханию и неправильному пульсу — он был полон тем, чем жил все эти годы: мыслями о своей работе и своей родине. Задыхаясь, прерывая свою речь долгими паузами, говорил он о новой конституции Советского Союза и в промежутке между приемом двух подушек кислорода просил показать ему газету, где напечатан текст конституции. С огромным чувством упоминал о Сталине, несколько раз вспоминал Ленина, свою первую встречу с ним...

Даже в бреду не произнес он ни одной жалобы, ни одного слова о себе.

Между тем, он сознавал, что умирает. Когда врачи, в

И. В. Сталин и М. Горький. 1932 г.

силу своего долга, попытались внушить больному мысль, что ему лучше, что он поправится, Горький с усмешкой ответил:

— Приятно, хотя и неправдоподобно.

В ночь на 18 июня он потерял сознание. В бреду он заговорил о том, что тревожило его даже в эти последние часы:

— Будут войны. Надо готовиться... Не надо быть застигнутым врасплох...

Наутро он умер.

Весть о смерти Горького быстро облетела всю страну. То, что чувствовали миллионы людей в эти дни скорби о Горьком, выразил В. М. Молотов в своей речи на траурном митинге на Красной площади:

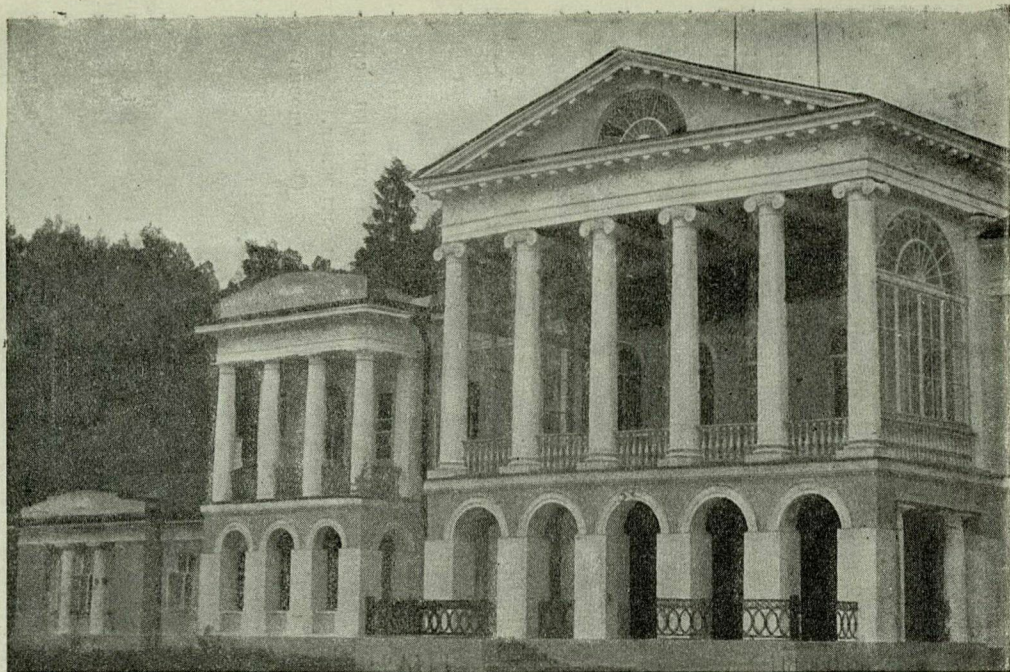
«Прощаясь сегодня с Алексеем Максимовичем Горьким, мы, его друзья и бесчисленные читатели-поклонники, переживаем такое чувство, что у каждого из нас какая-то яркая частица своей собственной жизни уходит навсегда в прошлое.

... После Ленина смерть Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества».

Глава XIII

ПИСАТЕЛЬ И БОРЕЦ

Четырех лет Горький болел холерой, восьми — оспой. Работая мальчиком в магазине обуви, жестоко обварил себя щами. Его избивали дома и в людях так, что однажды пришлось везти в больницу и доктор вынул из его тела 42 щепочки: били его в тот раз пучком сосновой лучины. Охотник в лесу всадил в него заряд дроби. В украинском селе Кандыбовке толпа чуть его не убила. Едва спасся он от напавших на него кулаков в при-

Дом в Горках, где умер 18 июня 1936 г. М. Горький.

волжском селе Красновидове. Работая на барже, он упал в трюм и тяжело разбился.

Смертельные болезни, озверелые люди и несчастные случаи заполняют биографию молодого Горького.

Но судьба многих русских писателей простого звания, писателей-разночинцев, была не многим легче судьбы Горького, и об этом напомнил сам Горький в одной из своих статей. Помяловского за время учения в семинарии высекли 400 раз. Левитова выпороли публично, перед всем классом, как он выразился — «выпороли душу из тела». Решетников четырнадцатилетним мальчиком попал под суд и два года сидел в тюрьме. Писатели эти, давшие русской литературе такие вещи, как «Очерки бурсы», «Мещанское счастье», «Подлиповцы», слишком хорошо знали, что такое нищее существование и глухая безвестность.

Едва достигнув полной зрелости, они умирали в своих труппных жилищах или на койке больницы для бедняков.

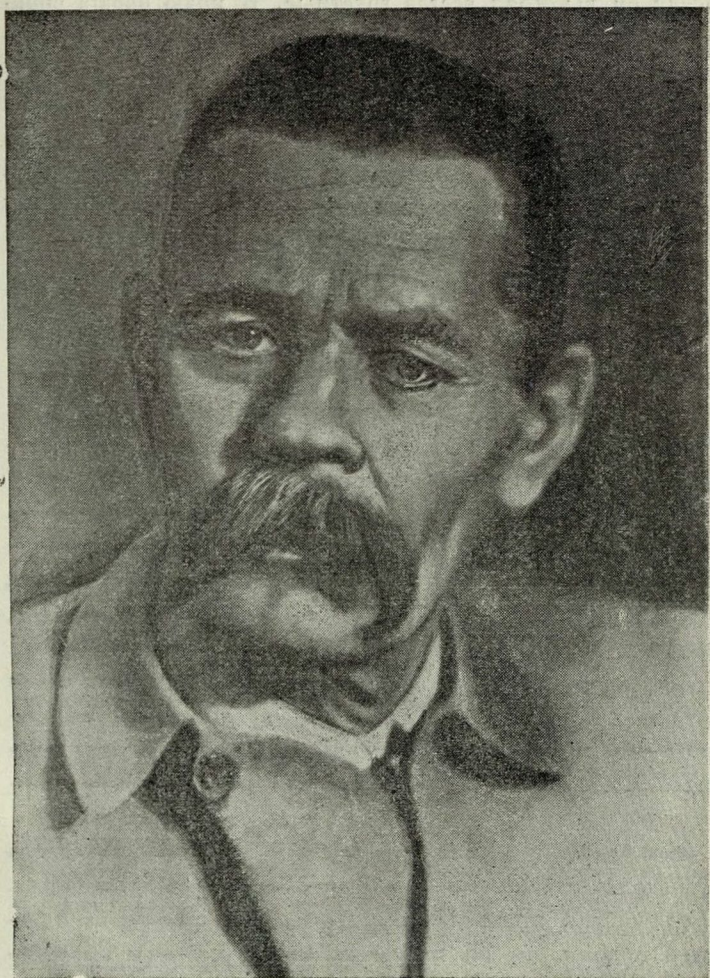
Они оставляли по себе только рукописи, и эти рукописи подчас напоминали пространные записки самоубийц — столько было в них тоски и отчаяния.

Судьба Горького была еще труднее. Она словно соединяла в себе все испытания, выпадавшие на долю этих писателей.

Его истязали, как Помяловского, унижали публично, как Левитова. Он работал грузчиком на Волге, как Куцевский на Неве. Правда, впервые в тюрьму он попал уже взрослым человеком, но еще шестнадцатилетним подростком Горький превращался в «арестантика» булочника Семенова, а это было, может быть, страшнее тюрьмы.

Он рано ощутил всю тяжесть своей жизни и ужас существования тех, кто его окружал.

... ..
... ..
... ..

... ..

Мальчиком он любил вместе с другими детьми спускаться в овраг; здесь, на дне, усевшись на большом бревне, они пели песни. Руководил хором Горький, и песни он выбирал всегда грустные. К краю оврага собирались люди и долго слушали, как поют дети. Печальные их песни нравились.

И вот этот мальчик, которому суждено было пройти бесконечно трудный и мучительный путь, став потом писателем, принес в литературу не только самую черную правду о том, как жил на дне униженный русский человек, но и радостный призыв к лучшей жизни.

Откуда почерпнул Горький эту удивительную бодрость?

Много бодрости получил он в дар от отца, столяра и обойщика Максима Савватьевича. Ее укрепляла в мальчике Акулина Ивановна, чудесная горьковская бабушка. Позже Алеша Пешков, обитатель нижегородских чердаков и подвалов, нашел ее в книгах.

Но могло ли хватить этой бодрости надолго?

Одна из героинь Горького, старуха Изергиль, говорит: «Когда человек любит подвиги, он всегда сумеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли, всегда есть место подвигам».

Подвигом, который совершил Горький, была самая жизнь, им прожитая. Он шел ей навстречу, словно спешил узнать все тяготы и страдания, которые ждали нищего скитальца и человека разной черной работы — Алексея Пешкова.

Как будто предвидя, что люди, с которыми случалось Горькому сталкиваться на долгих и путаных дорогах, когда-нибудь превратятся в героев его рассказов, повестей и драм, он не только наблюдал их — он выслеживал их, шел за ними по пятам, как неутомимый охотник.

Однажды во время скитаний Горький попал в провин-

циальный город, похожий на скучный сон. Но в дрянной гостинице он увидел какого-то человека в чесучевой поддевке и заинтересовался им. Горький забыл о тоскливом городе, о своем дальнейшем пути; он следовал за своим героем по улицам, в ресторан и на кладбище, пока ему не стало ясно, что заинтересовавший его человек — лишь сытый обыватель, скучный, как этот город.

Разочарования эти были часты, но каждый раз в памяти Горького отлагалась крупица новых знаний.

Он принес их в литературу, не только знание тех людей, которых старые писатели никогда еще не избирали своими героями, но и знание страны, забытых литераторами народов, рек, песен и дорог.

В одном рассказе устами своего героя он заметил: «Про Россию, брат, нельзя говорить, что хочешь от своего ума. Каждая губерния — своя душа».

Сам Горький описывал молдавское «Дикое поле» и леса Керженца, украинские большаки и кубанские станицы, и мимо всех бесчисленных пейзажей, которые разворачиваются перед читателем, Горький прошел сам, с котомкой за плечом, с палкой в руках.

Не сразу научился Горький распоряжаться своими знаниями.

Слава пришла к нему рано, но все же путь Горького к своему искусству был долгий.

Он начал чуть ли не с десяти лет вести дневник, и это была первая его книга, которую он писал для одного лишь читателя — для самого себя.

Позже, в казанскую пору своей молодости, писал стихи. Выходили они у Горького плохо, а когда он решил взяться за прозу, продолжал писать какими-то полустихами, поющими фразами.

«Вообще я, — вспоминает Горький, — старался писать «красиво»...

«Море смеялось», писал я и долго верил, что это хорошо. В погоне за красотой я постоянно грешил против точности описаний, неправильно ставил вещи, неверно освещал людей».

Два писателя, мнением которых Горький дорожил более всего — Толстой и Чехов, — говорили об этом молодому литератору.

— Печь стоит у вас не так, — сказал Толстой Горькому по поводу рассказа «Двадцать шесть и одна». Оказалось, что огонь печи не мог освещать рабочих так, как было написано у Горького.

А Чехов об одной из горьковских героинь заметил:

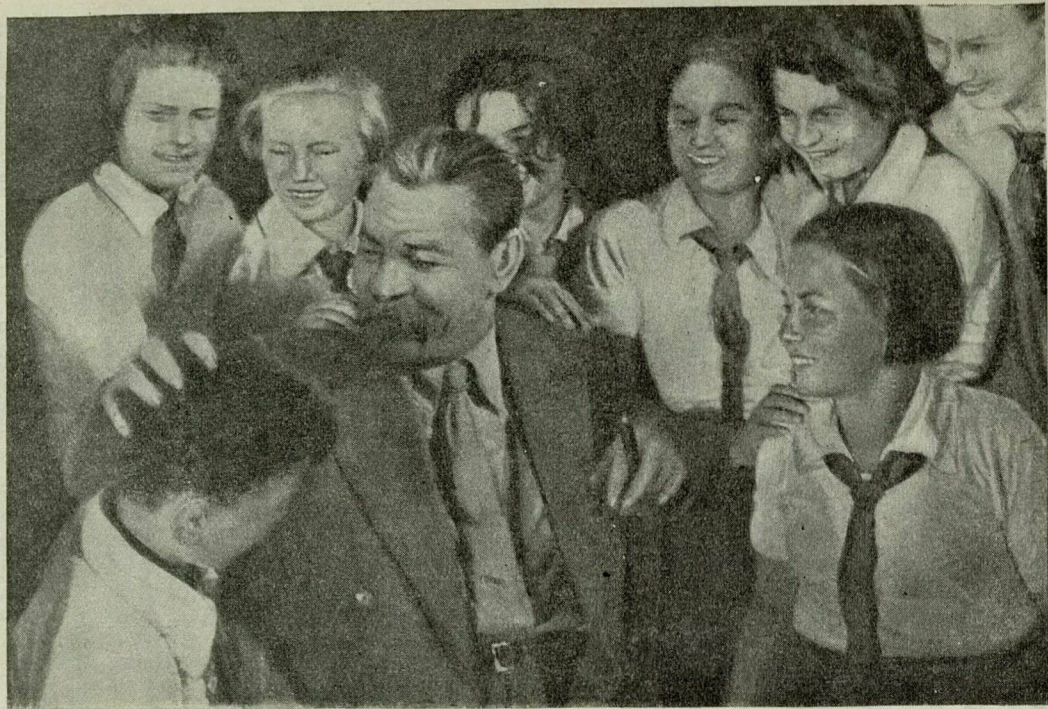
— У нее, батенька, три уха — одно на подбородке, смотрите!

Это были, конечно, мелочи, но происходили они от недостаточного еще умения писать точно и просто, строго отбирая каждое слово. Горький все более понимал, как трудна и как необходима художнику эта точность и простота.

Тот же Чехов говорил о раннем рассказе Горького «Мальва»:

— Вот вы читали: «море смеялось» и остановились. Вы, думаете, остановились потому, что это хорошо, художественно? Да нет же! Вы остановились просто потому, что сразу не поняли, как это так — море — и вдруг смеется? Море не смеется, не плачет, — оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота...

Этому искусству, очень трудному искусству писать просто, Горький учился долго и неутомимо. Многому учился у других писателей и многому у народа, этого творца языка. Внимательно перечитывал он классиков, любимые книги — Толстого, Флобера, Чехова, Диккенса,

М. Горький в группе пионеров — авторов книги «База курносых». 1934 г.

Лескова, но неустанно прислушивался и к речи людей, среди которых жил: мастеровых, купцов, солдат, бурлаков, актеров, булочников, певчих, матросов...

И достиг, наконец, той высокой ступени искусства, когда красота неотделима от простоты и правды, когда красота и есть эта простота и правда.

Он научился описывать человеческие лица, реки, дома, небо, лес такими точными и запоминающимися словами, словно они были не напечатаны на бумаге, а вырезаны на драгоценном камне.

Вот одно из описаний Горького поздних лет:

«Сидели в саду, в тени вишен, богато украшенных аметистовыми бусами ягод. Был вечер, удушливая жара предвещала грозу. В небе, цвета снятого молока, пенились сизоватые клочья облаков; тени скользили по саду, и было странно видеть, что листва неподвижна».

Пристальное, писательское зрение Горького отличало вокруг себя это множество оттенков, а память их закрепляла.

Еще в детстве Горький поражал своей памятью — дед называл ее «лошадиной». Увидев однажды у своего друга, гимназиста Евреинова, карту Австралии, Горький взял ее посмотреть и на другой день уже запомнил наизусть все острова, реки, горы и города на этой карте.

Когда Горький стал писателем, его удивительная память возрождала уже не Австралию, а Россию — жизнь на берегах Волги, в горах Крыма и Кавказа, во множестве российских городов.

Это была карта жестоких несправедливостей и безмерных человеческих страданий.

Когда в Художественном театре готовились поставить «На дне», режиссер и декоратор хотели получить фотографию какой-нибудь ночлежки.

Горькому пришлось объяснить им, что фотографировать, по крайней мере без магния, в ночлежке нельзя, потому что там никогда нет света.

Горький первый рассказал о жизни людей, чья темная жизнь не поддается запечатлению на фотографической пластинке. Страшна была эта кротовая жизнь горьковских босяков, но еще страшнее была жизнь горьковских мещан.

Когда Горький сдал экзамен в третий класс, он получил в награду евангелие, басни Крылова и похвальный лист.

Книжки Горький продал в лавочку за полтинник — бабушка лежала больная, денег у нее не было.

А на похвальном листе написал:

«Наше свинское Кунавинское»¹.

Было тогда Горькому десять лет, и он уже хорошо видел свинство кунавинской мещанской жизни.

Многие рассказы, повести и пьесы Горького можно было бы объединить этим общим названием — «наше свинское Кунавинское», ибо свинскими мерзостями была заполнена жизнь не одного Кунавина.

Но Горький не только показывал, как печальна и страшна Россия.

Еще в далекой молодости, не твердый еще в правописании, он имел уже твердое мнение о назначении литературы.

В казанские годы он попал однажды на лекцию о Шекспире. Лектор, звонкий, как колокольчик, заявил:

— Литература существует для отдыха души.

Пекарь Пешков с ним не согласился. Он занес эту фразу лектора в дневник, сопроводив кратким замечанием: «Врет».

¹ Кунавино — окраина Нижнего-Новгорода, заселенная мещанами и бедным городским людом.

Он знал, что литература имеет более высокое назначение, и назначение это — не успокаивать, а беспокоить душу.

Потом, став писателем, он устами одного из своих героев сказал:

«Надо ежа пустить под череп человеку, чтобы он никогда не успокаивался».

Слово Горького было колючим, беспокойным словом, и оно ежом забиралось глубоко в сознание читателя.

В те дореволюционные годы, когда молодой писатель Горький жил в Нижнем, к нему часто в дом входил высокий человек в длинном английском пальто и кепке огненно-красного цвета, приводившей в восторг уличных мальчишек. Дежурившие у горьковского дома сыщики знали, что вскоре на улице соберется толпа прохожих — слушать пение знаменитого баса Шаляпина.

С ним Горький подружился еще в Казани. Оба они, булочник Пешков и сапожник Шаляпин, явились однажды в театр наниматься в хористы. Горького приняли, а Шаляпин был признан безголосым...

И булочник и сапожник достигли мировой славы, но пути их разошлись.

Еще в 1902 году, на чествовании Шаляпина, Горький произнес речь, прямую и резкую.

— Вы — гений, — сказал он Шаляпину, — но ваши песни теряются в золоченых анфиладах замоскворецких купчих. Будите восторг в душе несчастных, забытых. Тогда вы будете воистину великим.

Шаляпин не последовал этому совету и, когда революция ворвалась в золоченые анфилады, покинул страну и изменил народу, из которого вышел.

Горький свои песни обращал к народу. И когда этот народ совершил величайшую в мире революцию и приступил к созданию новой жизни, Горький отдал ему не

только свои песни, но и всю энергию бойца, инициативу строителя и знания одного из образованнейших людей нашего времени.

Биография Горького последнего десятилетия — это не только биография писателя, но и выдающегося советского деятеля, руководителя литературной жизни СССР, борца за культуру, революционера, стоящего в ряду тех лучших людей мира, которые своим творческим гением служат делу освобождения всего человечества.

В сознании передовой интеллигенции всего света имя Горького сплелось с именем французского писателя Ро-мэна Роллана.

Путь этих двух великих писателей нашего времени к революции был различен, как несхожа была жизненная судьба пролетария и самоучки Горького и профессора по истории музыки Роллана. Но и к Горькому и к Роллану в равной мере применимы слова, сказанные их общим другом, единомышленником и собратом по искусству, недавно умершим французским писателем Анри Барбюсом:

«Романист, создающий книгу, должен быть участником того великого общественного дела, которое необходимо для грядущего человечества, для социализма и мировой революции».

В этой великой работе во имя человечества Горький и Роллан заняли не только почетные, но и боевые посты, неустанно борясь за подлинно человеческую культуру, за ту настоящую человечность, которую несет пролетарская революция,— несет ее миру, как свою самую высокую и прекрасную цель.

Жизнь и борьба революционера обращена к будущему, потому так свойственна многим из них любовь к детям. Через всю жизнь Горького проходит эта большая и глубокая любовь.

Лучше всего об этом говорят удивительные письма Горького детям. Пересказывать их невозможно. Лучше привести два из них.

Одно написано давно, до революции, и потому в нем говорится о букве «ять». Адресовано оно было с Капри в Баку ребятам детского сада, называвшегося «Школой шалунов». В этом саду учились дети революционеров и рабочих. Вот это письмо:

«Получив ваши письма, я хохотал от радости так, что все рыбы высунули носы из воды — в чем дело? Я объяснил им, что на берегу другого моря живут славные люди, они еще маленькие, но я уверен, что и большими они будут хороши — вот почему мне радостно.

Что бы вы не говорили, что я плохо пишу и меня нельзя читать, — вот я напечатал это письмо на машинке.

Сами-то вы хорошо пишете! Подождите-ка, я приберегу ваши письма и лет этак через двадцать покажу вам их — хорошенькие словечки прочитаете вы там!

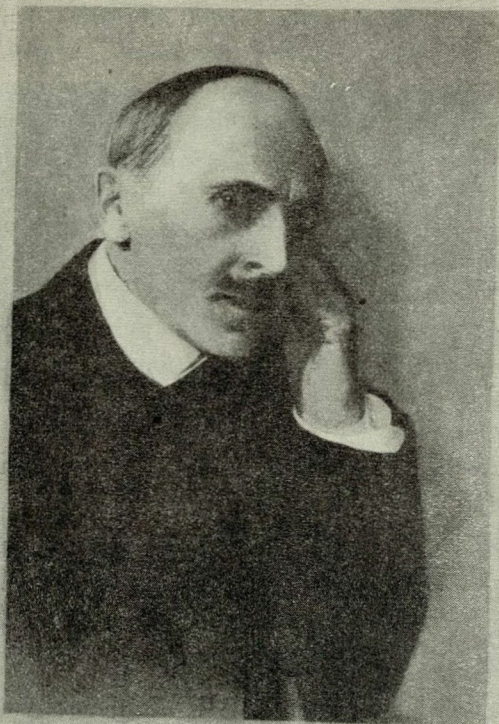
— Например, позвольте спросить — что такое перепаха? Линтяй, дюжена? спилталк?

Уж я-то не коверкаю так умело русский язык, как вы это делаете!

В чем я слаб — так это в употреблении буквы «ять» — только вы никому не говорите об этом!

Эта буква всегда меня смущает, и когда дело доходит до нее, я чувствую себя, как будто мне не сорок, а всего четыре года. Даже в словах «пять», «поднять», «понять» — мне чудится это «ять», отчего бывает, что я пишу вместо «пять» — «пѣть».

С какой большой радостью повидался бы я с вами, милые дети, как бы славно мы поиграли и сколько мог бы я рассказать вам забавнейших вещей! Я хотя и не очень молод, но не скучный парень и умею недурно показывать, что делается с самоваром, в который положили

A mon ami Maxim Gork
avec mon affection
et mon admiration

Paris le 12 mai 1926

Romain Rolland

Ромэн Роллан. С фотографии, подаренной Р. Ролланом М. Горькому. На фотографии автограф Р. Роллана: «Моему другу Максиму Горькому. С любовью и восхищением. Ромэн Роллан».

горячих углей и забыли налить воду. Могу также показать, как ленивая и глупая рыба «перкия» берет наживу с удочки, и много других смешных вещей. Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка; маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку — он умер, — потом нянчил еще двух ребят и, наконец, когда мне было лет 20, — я собирал по праздникам ребятшек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера.

Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли идти домой пешком.

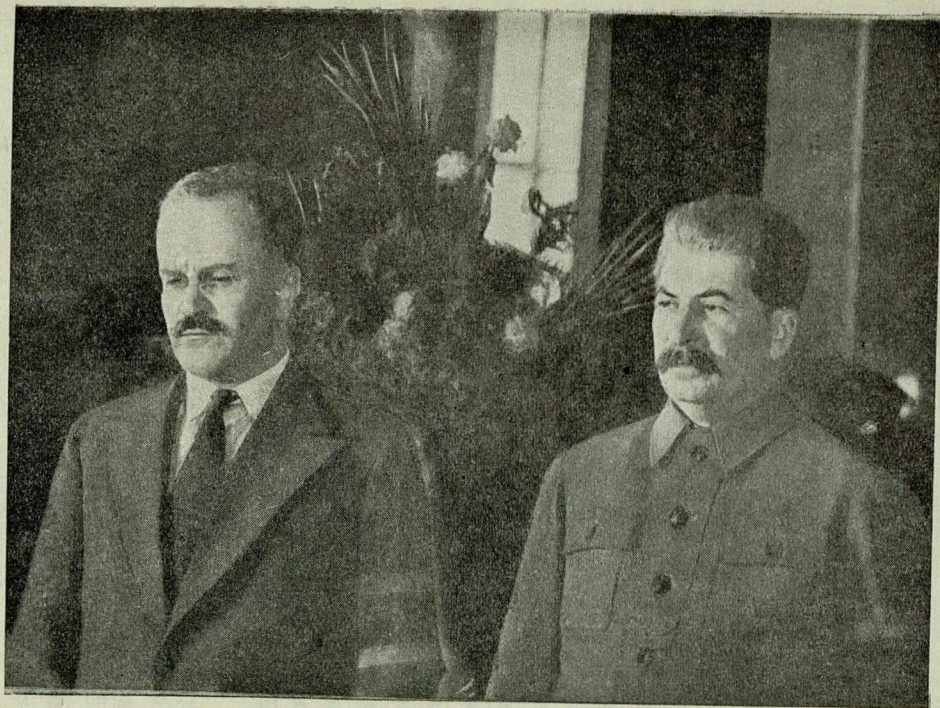
Ну, а у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие, и я их превосходно тащил по полю домой. Чудесно!

Хорошее было время, мне приятно вспоминать о нем. А потом я сделался писателем — это очень трудное дело, хотя я и люблю это».

Другое письмо написано уже в наши дни — учащимся иркутской школы, носящей имя Максима Горького:

«Был у меня т. Басов, рассказывал о том, какие хорошие школы строятся у вас на Востоке Сибири, рассказывал, как вы учитесь и как много среди вас даровитых человечков.

Особенно приятно знать, что учитесь вы усердно, с любовью. Так и надобно, ребята, науку надо любить, — у людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука. Великими мучениями заплатил трудовой народ земли за свою безграмотность и малограмотность. Ваши отцы, вырвав власть из рук грабителей мира, открыли перед вами широкий путь на высоту, достигнутую наукой, и на вас возложена обязанность продолжать все-

И. В. Сталин и В. М. Молотов у гроба М. Горького.

мирное дело отцов. 18 лет их мужественной работы, героического напряжения сил показывают вам, какие чудеса способен — при помощи науки — делать пролетариат, хозяин страны. Это еще только начало работы создания нового, небывалого государства, начало строительства социалистического мира.

... Нам нужны сотни тысяч врачей, учителей, инженеров, музыкантов, актеров, поэтов, романистов и т. д., нужна армия людей, которые занялись бы поисками и разработкой сокровищ, лежащих в недрах нашей земли. В нашем государстве не должно быть насекомых, опасных для здоровья людей, сорных трав, истощающих соки земли, вредителей лесов и хлебных злаков. Мы должны всю землю нашу обработать, как сад, осушить болота, снабдить водой безводные пустыни, канализировать и углубить реки, построить миллионы километров дорог, вычистить огромные наши леса. В нашей стране не должно быть места саранче, пожирающей хлеб, комарам, которые прививают людям лихорадки, мухам, распространяющим болезни, насекомым, истязующим домашний скот. Крысы и мыши — паразиты — приносят нам убытков на сотни миллионов рублей, так же, как грызуны полей — кроты, суслики и полевки. Это, разумеется, еще не все, есть еще много разнообразной, веселой работы по строительству первого, подлинно культурного социалистического государства, эта работа ждет вас, и она требует широких научных знаний.

Вот какие цели стоят перед вами, а в государствах буржуазии фашисты — рабы и лакеи богачей — кричат: довольно культуры, назад к средневековью, к вере в бога и чорта, довольно техники, назад к ручному труду! Эти крики — крики мещан, одичавших от страха перед их неизбежной гибелью. Они погибают, и они чувствуют: ничто и никто не спасет их от гибели...

Мемориальная доска на Кремлевской стене. Здесь замурована урна с прахом М. Горького.

Много различных мерзостей творят издыхающие грабители земли.

Ребята, все это вы должны знать! Все, что было вчера и делается сегодня, должно быть известно вам, ибо вы призваны историей продолжать дела отцов ваших не только в своей стране, но и во всем мире».

Во имя этой веселой работы, превращающей будущее в настоящее, мечты в действительность, жил, писал и боролся великий пролетарский писатель.

И потому этими строками, обращенными к тем, кому принадлежит будущее нашей страны, хочется закончить биографию Максима Горького.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Детство	5
II. В Казани	21
III. Железнодорожный сторож	34
IV. Песнь о старом дубе	38
V. Странствия	44
VI. Первый рассказ	48
VII. Иегудина Хламида	52
VIII. Слава	57
IX. Метехский замок и нижегородский острог	61
X. Соловьи и шпионы	72
XI. На сцене Художественного театра	78
XII. Три революции	87
XIII. Писатель и борец	108

ИСТОЧНИКИ

При составлении настоящего очерка автором использована в первую очередь автобиографическая трилогия М. Горького — «Детство», «В людях», «Мои университеты», а также ряд рассказов и повестей М. Горького, автобиографический характер которых либо засвидетельствован самим писателем («Случай из жизни Макара», «Хозяин», «Двадцать шесть и одна» и др.), либо же находит подтверждение в документах и мемуарных свидетельствах. Автор счел возможным также почерпнуть некоторые детали в произведениях, хотя и не являющихся автобиографическими, но имеющих значение исторического свидетельства (так, например, ряд подробностей в описании все-российской выставки в Нижнем взят из соответствующей главы «Клима Самгина»).

Автор полагал неуместным в настоящем очерке впадать в уста М. Горького или персонажей его биографии вымышленные высказывания; все приведенные в очерке диалоги являются цитатами из художественных произведений М. Горького, его писем и документальной литературы о М. Горьком.

В некоторых главах автор опирался на существующие биографические и критические работы о М. Горьком — И. А. Груздева, Н. К. Пиксанова, А. В. Луначарского, И. М. Нусинова, В. Деницкого и др., а также на многочисленные мемуары о Горьком.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор С. Д. РАЗУМОВСКАЯ
Технич. ред. Б. М. СМИРНОВ
Корректор А. САПЕЛКИНА
Сдано в производство 22/VI-36 г.
Подписано к печати 1/VII-36 г.
Формат 82x110^{1/2} з. 8 п.л. (5,54 а.л.)
Детиздат № 698. Индекс Д-7.
Уполномоч. Главлита Б-24762.
Тираж 25000. Заказ № 2110.
Цена 2 р. Переплет 1 р. 50 к.

Фабрика детской книги изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Суцеский вал, д. № 49.

100=

~~Пров. 1969~~

~~131445~~ ~~200 ст.~~

~~Пров. 1969~~

~~34266~~

1967-68 г.

Р 751

Роскин, А

Максим Горький

3-50

Визюльский

~~131445~~

~~34266~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Цена Зр. 50к.

Н